

ЧАСТЬ V. ВОПРОС ЗАКРЫТ

Пролог

Джха тор

Грифы большой стаей расселись на земле. Они медленно передвигались на своих лапах с большими загупленными когтями. Грифы слегка взмахивали тёмными крыльями, и тогда становилось видно, какие они широкие. У грифов были гладкие, словно ошипанные, шеи и головы. Когда человек подходил близко, грифы не собирались улетать. Я бросил птицам кусок хлеба. Они не проявили к хлебу никакого интереса, а в ответ на взмах моей руки не выразили ни боязни, ни агрессии. Грифы будто чего-то ждали. Они и вправду ждали...

– Этого парня звали Чунта, – переводил сирдар Ешэ. – А говорит с тобой его отец по имени Галсан. У тибетцев много имён, и каждое что-то означает. «Чунта» означает, что это младший сын в семье. Галсан говорит, что Чунта часто жаловался на недомогание. Но он же молодой, поэтому все были уверены, что никакой серьёзной болезни нет. Потом Чунта не смог носить тяжёлые камни, и его оставили дома ухаживать за скотом. Однако и это давалось ему всё труднее. Однажды Чунта лёг и уже не мог вставать. Брат Галсана – дядя Чунты – давно ушёл в монастырь и стал монахом, и Галсан позвал его.

Монах осмотрел Чунту и сказал, что у того болезнь крови и проблемы с печенью. «Посмотрите, – сказал монах, – Чунта пожелтел. Разве вы не замечали этого?» И посоветовал пустить Чунте кровь. Это нужно, убеждал монах, чтобы отделить плохую кровь от хорошей и избавить кровь от ветра. Но, наверное, не нужно было пускать кровь: Чунта не ел два дня, потерял силы, а когда монах выполнил свою процедуру, ослабел ещё больше.

Тогда монах сказал, что Чунта должен десять дней, утром и вечером, повторять мантру: Чуне-До-Алма Рунг-Нинт. На одиннадцатый день Чунта почувствует прилив сил и выздоровеет. Чунта повторял мантру два дня, а на третий день уже не смог. На четвёртый день Чунта умер.

Галсан посадил Чунту возле дома и позвал ламу. Лама целые сутки читал возле него молитвы из Книги мёртвых. Молитвы нужны, чтобы помочь душе пройти через бардо – состояние между смертью и возрождением. Всего есть сорок девять уровней бардо, и душа должна преодолеть каждый из них. Следующие два дня лама не читал молитвы, но душа продолжала уходить. Через три дня, когда душа окончательно покинула тело, пришло время произвести джха тор...

Мы сидим в простом, а скорее примитивном, каменном доме, в котором даже нет стёкол. Если не топить, то здесь всегда будет холодно. В Королевстве Ло – Мустанге все живут в каменных домах без стёкол; с печками, которые топят дровами или сухим навозом. Но и дрова берегут, потому что

дров мало: большие леса расположены ниже Мустанга. И яков – главных поставщиков живой органики – не так много. Крыши домов слеплены из какой-то то ли глины, то ли грязи. В Королевстве Ло нет электричества, телевизоров и телефонов.

Мустанг является частью Непала с тибетской культурой. Жители королевства – буддисты, однако буддизм у них особый, ламаистского толка. Они верят в перерождение человека после смерти. Впрочем, разобраться в буддистских хитросплетениях очень сложно: сами монахи постигают их годами. Поэтому я особенно и не пытаюсь. Виктор Пелевин пытался и, в конце концов, стал использовать не до конца постигнутые религию и философию в художественных спекуляциях. Борис Гребенщиков пытался, да бросил и обратил недополученные сакральные знания в эстетство или шутку...

Приходит человек – его представляют близким другом покойного Чунты. Он взваливает завёрнутого в одеяло Чунту на спину и направляется как раз в ту сторону, где сидят грифы. Это берег реки Кали-Гандаки. Да-да, той самой реки, которую вспоминал мэр Шамони Морис. Опять река Кали-Гандаки! Совпадений накапливается всё больше. На берегу ждёт другой человек. Он в обыкновенной одежде и оснащён несколькими ножами и топориком.

– Что это за человек и что он будет делать?

– Я же сказал тебе: это джха тор. Действие производит специальный человек, называемый рогьяпа, подготовка джха тор – его профессия. Рогьяпа станет готовить тело так, чтобы его удобнее было съесть птицам...

Меня начинает знобить, несмотря на тёплую одежду. Рогьяпа разворачивает одеяло и укладывает тело на траву, выпрямляя безжизненно застывшие конечности. В стае грифов заметно оживление: они передвигаются теперь более интенсивно, издают звуки, шевелят крыльями, но к телу не приближаются. Рогьяпа надрезает тело, рассекает его части ножом. При виде таких операций меня бросает в дрожь и немного мутит. Рогьяпа берёт топорик и рубит. Что, зачем? Сирдар объясняет, что это толстые сухожилия, которые трудно разжевать. Кому? О, ёж ты моё ж!

Меня словно бьёт электрическим током, когда рогьяпа отрезает... – мне и произнести ужасно, что он отрезает, – и бросает эти куски птицам. Они набрасываются на ошмётки человеческого мяса и начинают давно ожидаемую трапезу. Лицо рогьяпы не выражает ни жестокости, ни садистского удовлетворения, которое виделось в фантазиях. На лице не содержится также реальной или напускной печали и сострадания. Лицо спокойно, рогьяпа думает о своём. Он просто работает – как мясник, разделяющий тушу свиньи, или повар, занятый приготовлением курицы. Рогьяпа даже напевает что-то себе под нос. Я не могу больше на это смотреть, отворачиваюсь и ухожу. Ешэ идёт вслед за мной.

– Расскажи, что ли, что тут к чему, – выдавливаю я из себя, хотя беседовать совсем не хочется.

– Тебе же говорят, что это джха тор. Сейчас Галсан посвятит тебя в обряд, а я после сделаю некоторые пояснения, – говорит Ешэ.

– «Джха тор» на нашем языке означает «подавание птицам», – рассказывает Галсан, тоже, как и рогьяпа, совсем не опечаленный. – Согласно тибетским верованиям, человек на всех этапах своего земного существования должен стараться приносить пользу, даже тогда, когда душа уходит, а тело умирает. Последнее благое дело, которое может сделать человек, – отдать это тело для пользы других. У нас «другие» – это птицы, они съедят тело, и будут жить, и полетят в небо. И тело вместе с душой улетит в небо. Джха тор – небесное погребение. Так должно происходить со всеми тибетцами, кроме Далай-ламы и Панчен-ламы. Их тела после смерти сохраняются. Я слышал, что их бальзамируют и покрывают золотом...

Галсан закончил и приглашает нас в дом попить чаю с лепёшкой-чапати, кашей и сыром. В чае плавают ячий жир. Ешэ говорит, что это очень хорошее угощение, жители Мустанга употребляют такой набор далеко не каждый день. При виде жира я вспоминаю только что прошедшие перед глазами «картинки», и меня начинает мутить ещё больше. Достая из рюкзака двухсотграммовую фляжку кукри-рома: приходится привыкать к напитку, которому вполне можно присвоить придуманный для другого питья слоган «Пей легенду», поскольку виски в Непале стоит довольно дорого. Выпиваю фляжку целиком прямо из горлышка. Галсан безучастен к моему поступку, Ешэ смотрит с пониманием и кивает головой. Я вроде бы прихожу в себя и даже расслабляюсь. Ешэ видит это и начинает обещанные пояснения.

– У джха тор есть несколько причин. Одна из них носит религиозный характер. Такое отношение

к телу умершего не есть неуважение. Просто буддисты уверены, что тело теперь превратилось в пустой и ненужный сосуд; природа может его спокойно забрать. Но она его не заберёт сразу: тело долго разлагается. И звери не заберут, здесь поблизости нет зверей, способных унести тело. А птицы могут съесть его очень быстро! Таким образом, тело уничтожается без следа; буддисты считают, что в этом случае душе легче покинуть тело, чтобы найти себе новое пристанище.

Вторая причина вполне земная. В Тибете и Мустанге земля слишком твёрдая и каменная, чтобы рыть могилу. Возможно, его могли бы сжигать, как это делают в Индии и в большей части Непала. Но у нас очень мало топлива, дерева не хватает на нормальный обогрев. Можно, конечно, просто сбросить тело в реку. В некоторых местах так и поступают, но не в Королевстве Ло. Джха торжественно выступает практичной альтернативой этим способам...

У меня остаётся вопрос, но я боюсь его задать, поскольку страшновато: опьянение в холоде выпаривается, и опять начинает подкрадываться дрожь. Я наморщиваю лоб и двигаю губами. Ешё понимающе смотрит на меня, улыбается и говорит:

– Я знаю, о чём ты хочешь спросить. Но боишься. У тебя есть ещё кукри-ром? Тогда глотни, и пойдём посмотрим...

Да, я хочу спросить именно об этом: куда деваются кости. И мы снова идём на берег Кали-Гандаки. Кукри-ром помогает мне без конвульсий пережить зрелище обглоданного черепа и кучи костей. Но их почему-то не так много. Вскоре становится понятно, почему. Птицы не могут склевать кости. И рогьяпа аккуратно дробит их молотком, превращая почти в порошок. Рядом лежит мешочек с цампой. Рогьяпа смешивает костяной порошок с мукой и бросает грифам, многие из которых уже насытились. Несколько грифов поднимаются в воздух и парят над рекой. Они подыскивают себе новую добычу.

ГЛАВА I

Звезда и смерть

Откуда пошло это одновременно высокое и печальное сочетание – «звезда и смерть»? Полагаю, что оно возникло и хорошо прижилось в России, а вернее, сначала в Советском Союзе, как раз в тот период, когда я начал копить свои мысли и впечатления, – 70-е годы прошлого века. «Прилетели» слова вовсе не из Непала, а совсем с другого континента – из Латинской Америки.

Старшее поколение помнит события 1973 года, связанные со свержением в Чили лидера левых сил президента Сальвадора Альенде и приходом к власти правых военных во главе с генералом Аугусто Пиночетом. Мы, то есть СССР, вместе со «всеми прогрессивным человечеством» развернули широкую кампанию с критикой «кровавого режима» и в поддержку репрессированных чилийских коммунистов. И вот тогда-то советские идеологи вспомнили про поэта Пабло Неруду, который, по стечению обстоятельств, умер в сентябре 73-го, через двенадцать дней после переворота. Неруда считался прогрессивным, боровшимся за всё хорошее против всего плохого, а его поэзия была удостоена в 1971 году Нобелевской премии по литературе.

Какие же конкретно произведения получили столь высокую награду? Речь шла о совокупности стихов, но наши дотошные «поисковики» решили посмотреть повнимательнее и наткнулись на драматическую кантату с названием по-испански «Fulgur y muerte de Joaquín Murieta» – первоначально её перевели на русский язык как «Сияние и смерть Хоакина Мурьеты». Сюжет произведения может быть назван коммунистическим с большой натяжкой. В середине XIX века простой латиноамериканец Хоакин Мурьета едет в Калифорнию, где началась «золотая лихорадка», и становится старателем. «Белые» рейнджеры нападают на посёлок «цветных» золотодобытчиков, насилюют и убивают жену Хоакина крестьянку Тересу.

Мурьета становится разбойником и мстит. Он скачет на коне, стреляет, держит в страхе всю округу, вершит расправу над белыми гринго, творящими беззаконие; помогает бедным. Однажды Хоакин приносит розы на могилу покойной жены, а рейнджеры устраивают на кладбище засаду. Они убивают Хоакина, а потом, чтобы не воскрес, отсекают ему голову. В общем, речь идёт о «сиянии и смерти» разбойника, которого, опять же с натяжкой, называли в советской прессе местным Робин Гудом. Текст кантаты на русском языке опубликовали в журнале «Иностранная литература».

Тут бы конец истории с её последующим затуханием и забвением, тем более что и борьба за коммунистические идеалы, и диктатор Пиночет остались далеко в прошлом. Но... началось даже и не продолжение, а, я бы сказал, старт. За сюжет взялись творческие люди, и в 1976-м на сцене московского Театра имени Ленинского комсомола поставили одну из первых в СССР рок-опер, где слово «сияние» заменили на «звезду», и получилось «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Мюзикл произвёл настоящий фурор в театральном мире Страны Советов, спектакль побил все рекорды по посещению зрителей и долгие годы, включая время новой России, не сходил со сцены Ленкома.

Но главное для меня – а равно и ответ на вопрос, почему ухватился за эту фразу, – в том, что мы часто, на подсознательном уровне, задумываемся о пути человека в жизни, используя именно эти и похожие слова. Последнее, конечное из них – всегда «смерть», неизбежное и всеобщее завершение жизни; а первое, начальное – собственно «жизнь», или «сияние», как у Неруды, или «мечта», «миссия». Но лучше всего «звезда» как символическое обозначение наших стремлений, а если повезёт, реализованных желаний, достигнутого успеха.

Что стало звездой героев нашей книги? Звезда здравствующего Тенцзина служит людям, освящает смыслы; излучает любовь и сострадание. Путь к звезде вечен, а смерть предстаёт лишь физиологической формальностью, а вовсе не сожалением о чём-то несбывшемся. Дорогу к звезде, несомненно, продолжают последователи.

Высоко взошла звезда Дипа: он стал принцем, главнокомандующим армией; повезло ему и в настоящей любви. Но смерть обернулась бесславным крушением всего достигнутого. Звёздный путь безнадежно закончился, и никто его не продолжит.

Однако оба пути, и королевского наследника, и духовного наставника, как бы они ни завершились в реальности или в предположениях, были предопределены заранее избранностью этих исторических персонажей. Другими словами, они изначально помещались в течение, по которому следовало плыть к звезде. Тенцин так и поступал, а Дип решил двигаться против течения и даже повернуть реку жизни вспять.

Звезда учителя, а затем повстанца Кеша – иная, не дарованная судьбой, а ставшая совокупностью обстоятельств. Перед ним будто бы развернулось небо со звёздами, живыми и мёртвыми, с согревающими светилами и разрушающими метеоритами. Увидев одну звезду, Кеш стал учителем, что само по себе означало избранность в бедной крестьянской стране. Но счастливую звезду закрыла звезда несправедливости, и человек начал искать новое светило правды и борьбы в другом созвездии. Эта звезда поманила и даже потешила самолюбие, сделала Кеша авторитетным командиром повстанцев и... потухла.

Меньшинство людей оказывается в положении Дипа и Тенцзина, когда, при всей значимости собственных достоинств, воли и труда, стоит лишь двигаться обозначенным свыше путём. Но огромному, подавляющему большинству достаётся удел Кеша – неочевидный и длительный путь выбора своей звезды и следования к ней вместе с напряжённым трудом и преодолением отвлекающих соблазнов.

Именно такой путь – не предопределённости, а «совокупности обстоятельств» – и развернулся перед Володей, который впервые предстал у меня Володей-младшим, а на других страницах и теперь будет фигурировать как просто Володя. Конечно, что-то для развития человека закладывает и географическое место его становления, и родители, и окружающая атмосфера. Что было у него? Про место – Чебоксары, столицу Республики Чувашия, и чебоксарскую школу сказать особенно нечего: жил и жил, учился и учился. А вот про отца, наверное, есть что. Родитель по национальности был чувашем, и Володя, Владимир Леонидович, унаследовал во внешности характерные черты этого этноса.

Леонид директорствовал на местных заводах – «Чувашкабель» и электроизмерительных приборов. Это способствовало технической ориентации Владимира в жизни, что реализовалось на практике: я уже упоминал, что парень стал студентом Физтеха – Московского физико-технического института, одного из ведущих ВУЗов СССР, а потом работал в московском же научно-производственном объединении «Энергия», тесно связанном с космонавтикой.

Позже говорили, что якобы Володя «заболел горами» ещё в школе, в 1967-м, когда на экраны вышел фильм Станислава Говорухина «Вертикаль». Но в этом случае следует признать, что все мы также «заболели», поскольку очень любили другого Владимира, автора песен для фильма, которого

власть в то время «зажимала». На полужакрытые концерты Высоцкого попасть было трудно, поэтому слушать барда его многочисленным почитателям приходилось путём воспроизведения многократно скопированных магнитофонных записей со слабо различимыми словами. И вот прорыв: четыре «горных» песни Высоцкого – «Парня в горы тяни, рискни», «Ведь это наши горы», «Альпинистка моя» и «Лучше гор могут быть только горы» – прозвучали в фильме в исполнении автора, а затем появились на гибкой грампластинке массовым тиражом. Но заболеть-то мы заболели, однако в горы не полезли, в том числе и наш Володя: ни песенных вершин, ни альпинистских традиций близости не оказалось.

Другое дело Физтех: в институте работала популярная альпинистская секция спортивного общества «Спартак», именно отсюда Володя и начал свой путь к звёздам – реальным небесным как инженер-программист космических аппаратов и метафорическим горным в качестве восходителя. Уже на младших курсах совершил свои первые восхождения в кавказских альплагерях и после этого заниматься альпинизмом уже не прекращал, став в двадцать пять лет мастером спорта СССР.

Здесь возникает закономерный вопрос: а как же работа? Ну, знаете, в альпинистской среде ходила тогда следующая шутка: «Если альпинизм мешает работе или учёбе, надо бросать... работу или учёбу». Многие так и делали. Статистика советского времени, а собственно говоря, только в это время она, применительно к альпинизму, и велась, показывала: одна часть восходителей – люмпенизированные элементы, «числившиеся» на работе либо подрабатывавшие в межсезонье; другая часть, напротив, высокоинтеллектуальная, с большой прослойкой кандидатов и докторов наук. Почему так? А вы порассуждайте и, возможно, самостоятельно придёте к любопытным выводам.

Володе удавалось держаться в середине: способный математик, он занимался разработкой программ для бортового компьютера космической станции «Мир». Как ценного кадра, парня не выгоняли и даже ценили.

– Долго я совмещал горы и космос, – вспоминал альпинист, – удавалось убеждать руководство в важности моих путешествий, и меня отпускали в экспедиции. Но случалось так: я в отпуске, а в космосе сбой по моей части. Где Владимир? В горах... Немедленно доставить сюда! А если он на восхождении? Делайте что хотите: посылайте самолёт, вертолёт, снимайте с маршрута. Надо срочно помочь космонавтам на борту!

В общем, балансировал между работой и увлечением. Тут важно упомянуть вот какую немаловажную деталь: где космос, там секретность. В советское время из-за этой детали Володя пребывал в статусе невыездного, что также держало его на работе. То есть в наши советские горы ходи, а в зарубежные – ни-ни. К моменту возникновения новой России «занавес» открылся, а увлечение альпинизмом превратилось для уже зрелого человека и горвосходителя в главную часть жизни. И шутка сделалась былью...

Итак, отец определил «техническую ориентацию». Кто и что сформировали направленность горную? Песни Высоцкого, альпсекция в институте – понятно. А люди? «Да-а, были люди в наше время...» Они вообще-то существовали в любое время. И сейчас есть. И у Володи имелись свои авторитеты, в прошлом и настоящем.

Рождённый в начале XX века Виталий Абалаков, в 70-е, о которых мы пока говорим, в горы по-серьёзному ходить перестал. Но с молодёжью встречался, придумывал альпинистские приспособления, а касательно консультаций – так даже помогал будущим восходителям на Эверест в 1982-м. Но, думается, не этим привлёк Виталий Михайлович – заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР, руководитель первой советской экспедиции на пик Ленина – внимание Владимира. А чем? Я, кажется, упоминал такое качество целеустремлённых восходителей, как волю, а проще и точнее – упёртость. Так речь о ней. Соседствующей, применительно к Абалакову, с терпением выше среднего и аскетизмом.

В 1936-м, во время экспедиции на Хан-Тенгри, альпинист в результате обморожений потерял тринадцать пальцев рук и левой ноги, стал инвалидом первой группы, но восхождения продолжал. Всё? Не только не всё, а почти что ничего. Потому что в печально знаменитом 38-м Абалаков был арестован органами НКВД как «немецкий шпион». За что? Как за что – за сотрудничество! С немцами? Конечно, несмотря на то что мы с ними тогда дружили! «А до войны вот этот склон немецкий парень брал с тобою» – помните-нет? Ладно, позже напомним.

Так вот. Мало того что два года, до 1940-го, альпинист отсидел в тюрьме. Мало того что выбили зубы, и последующую жизнь Виталий Михайлович «щеголял» железным ртом. А много – это когда вспомнили чекисты про отмороженные пальцы и били по оставшимся, с тонкой живой кожей фалангам палками-дубинками. Терпел. И даже через шестнадцать лет, в 56-м, руководил первой советской экспедицией на пик Победы. Он же, как и Володя, был технарём – другой вряд ли смог бы работать с верёвкой, молотком, крючьями без пальцев. Помните француза Мориса? Он подобного не сумел и после обморожений и ампутаций завершил занятия альпинизмом. Но у Абалакова получалось. Причём его наука осталась не только в воспоминаниях друзей, но и в учебнике «Основы альпинизма», переведённом на многие языки.

Но ведь может человек в трудные, экстремальные моменты давать слабину? Может. Виталий Михайлович не давал. И Володя не давал. Никогда.

В качестве авторитетов он называл и современников. В 1997-м, накануне... Володю спросили о пятёрке лучших восходителей. Переходя к ответу, думаю, что, коль скоро я упомянул по имени-отчеству-фамилии Виталия Михайловича Абалакова, стоит и с другими из Володиного «списка» поступить аналогично.

Итак, оценка:

– Лет восемь назад я однозначно назвал бы первым номером Рейнхольда Месснера. Сегодня картина сложнее: есть небольшая группа лидеров, которые в наши годы значительно опережают других по числу пройденных «восьмёрок» (восьмитысячных вершин. – *Авт.*). Это наш Анатолий Букреев – родом с Урала, это швейцарец Эрхард Лоретан, это Карлос Корсолио из Мексики, поляк Кшиштоф Велицки, Роб Хоул из Новой Зеландии...

Мы вроде начали разговор со звезды и смерти, верно? Значит, давайте посчитаем, сколько звёзд у каждого из героев этого рейтинга – а они реальные герои, – взяв за звезду один восьмитысячник из четырнадцати существующих на планете. С одной стороны, ответ не эксклюзивен: Месснер первым в мире покорил все 14, Лоретан – третьим, Карсолио – четвёртым, Велицки – пятым.

Не совсем понятно, почему Володя не назвал «второго четырнадцатизвёздного» – польского альпиниста Ежи Кукучку.

Совсем понятно, что место в этом рейтинге не определяется – и чем дальше во времени, тем больше – «простым» количеством звёздных пиков. Пока заметим, что Букреев покорил «всего одиннадцать» восьмитысячных вершин, однако Месснер – альпинист номер один в прошлом, именно Анатолия называл первым номером нового времени. Впрочем, для обычного читателя этот факт вряд ли что прояснит. Но скоро мы попробуем добавить ясности.

Холл тоже не поборол все гиганты, но стал первым человеком с Запада, побывавшим на вершине Эвереста четыре раза.

Вот столько каждый из альпинистов поймал звёзд, а для покорителей всего 14-звёздного перечня вершин существовал ещё и такой титул, как «обладатель короны Гималаев».

Но рядом со звездой обязательно существует смерть, и рекордов она не предполагает, поскольку приходит к человеку всего один раз. Все перечисленные мужчины – а это были настоящие мужчины – допускали смерть на восхождении, и кого-то она настигала на горе, а других обходила стороной.

Первый, Рейнхольд Месснер, к моменту написания нашей книги жив и здоров.

Второй, Ежи Кукучка, погиб в результате обрыва страховочной верёвки во время штурма гималайского восьмитысячника Лхоцзе. Сорвался и летел вниз почти два километра. Упал в ледниковую трещину у подножия стены, тело не найдено.

Третий, Эрхард Лоретан, работал в свой собственный день рождения в родных Альпах, на невысокой по гималайским меркам, но технически сложной вершине Грос-Грюнхорн. Клиентка Эрхарда потеряла равновесие на гребневом участке маршрута, упала и сдёрнула Лоретана за собой. Сама получила тяжёлые травмы, но осталась жива. Эрхард пролетел 200 метров и погиб.

Четвёртый, Карлос Карсолио, жив.

Пятый, Кшиштоф Велицки, тоже.

Виталию Михайловичу Абалакову, несмотря на все пройденные к звёздам тернии, Бог дал долгую жизнь: альпинист умер своей смертью в возрасте 80 лет.

Анатолий Букреев и Роб Холл... О них поговорим в следующей главе, а пока вернёмся к Володе. Ряд его восхождений я уже описал. В них присутствовали приключения, драматизм, трудности и

даже трагедии. Однако, с точки зрения «упёртых» альпинистов, они считались, как бы странно это ни выглядело, не запредельными, а нормальными. Ну, разве что эпизод с шаровой молнией выбивался из общего ряда. Теперь поговорим о восхождениях ненормальных – и это мягко говоря.

Земля большая. Теоретически в любой её точке, в любой стране и в любое время у кого-то могла появиться идея восхождения на Эверест – высшую точку земного пространства. Но почему в 1996-м она родилась в Индонезии – вряд ли кто ответит. Тем не менее идея возникла, а её реализацию курировал лично президент Сухарто. «Сначала было слово». Именно так. Его президентское и генеральское слово. Но когда очередь дошла до дела, встал вопрос о тех, кто поможет индонезийцам достать желанную звезду. Выбор пал на нескольких опытных клаймеров-россиян, среди которых лидировал Володя.

У президента-генерала, находившегося у власти почти тридцать лет, всё происходило по-генеральски. Отобрали сорок военных суперменов из элитного спецназовского подразделения. Бойцы были молоды, прекрасно подготовлены физически, мастерски владели приёмами рукопашного боя и многими видами оружия. Но... ни разу в жизни не видели снега; не знали, что такое ледоруб, кошки, крючья, зажимы. Однако президент поставил задачу, и следовало её выполнять.

– Мы отобрали сорок лучших ребят, они способны на всё, – говорил Субианто, командир отряда, тоже, как и президент страны, в генеральском звании.

– Да, отлично, но нужна тщательная подготовка, – добавляли наши ребята.

– Не надо никакой подготовки, это спецназ! Они всегда готовы с честью выполнить любой приказ, что неоднократно доказывали! – уверенно парировал генерал.

Задача убеждения оказалась даже более трудной, чем финансирование экспедиции, – здесь как раз никаких сложностей не возникло, но в итоге индонезийское руководство последовало советам профессионалов, и подготовка началась. Володя с товарищами повезли команду на родной Эльбрус, и на российском Кавказе, как и предполагалось, выявились первые проблемы. Важнейшей из них стало само пребывание на высоте и в холоде людей, вся предыдущая жизнь которых прошла во влажном экваториальном климате. Затем последовал выезд в Гималаи, на несколько месяцев, и проблемы адаптации обострились сильнее. На заключительном этапе из сорока человек отобрали... десять. И этот, и последующий отбор сопровождался дискуссией с индонезийским руководством – начальники отказывались понимать столь жёсткие требования наших гидов и рассуждали просто: солдатам приказано взять вершину, и они это сделают.

В промежутках между тренировками Володя прилетал в Москву, мы встречались, он чесал затылок и кулуарно признавался, что очень сомневается в успехе индонезийской экспедиции. Но что делать: и доверие, и солидный гонорар надо оправдывать...

Пытаясь достичь обеих целей и уменьшить риск для неопытных индонезийских участников, Володя «порезал» и десятку избранных, допустив к штурму лишь троих, самых приспособившихся к высоте членов команды. Смотрите: сорок – потом десять – в итоге только трое. И сколько шансов на успех? Мало шансов, мало.

Но Володя был не только технарь, но и отличный стратег. Принявший на пути к заветному пику экстраординарное решение: поставить резервную палатку прямо в «зоне смерти», на высоте 8500, в 350 метрах от вершины. Никто ранее не решался тратить силы экспедиций на установку столь высокого и реально смертельного лагеря на Эвересте. Однако последующие события показали, что именно эта задумка спасла жизнь «великолепной шестёрке»: трём индонезийцам и тройке наших гидов...

В дальнейшем официально озвучивалась информация о том, что три индонезийских офицера мужественно и победно покорили «Мать – Богиню Мира», как называют Эверест жители Тибета. В реальности же, чаще «по секрету», наши ребята рассказывали следующее.

– Под вершиной, буквально в ста метрах от неё по высоте, индонезийцы «сдохли»...

Прерву повествование для резонёрствующих «смельчаков»: сто метров – чего там... Я видел людей, которые не доходили ста, пятидесяти, тридцати метров до вершины пятитысячника и шеститысячника и отказывались подниматься дальше. Я был рядом с этими людьми. Почему они «сдохли» – объяснять бессмысленно: поймёт тот, кто попробует! Я не был рядом с людьми в тот момент, когда они говорили «всё» или падали без сил и без слов за сто метров до вершины Эвереста. Но эти альпинисты вызывают у меня понимание и безграничное уважение – они боролись до предела своих возможностей, а дальше, значит, не могли...

– Мы не могли их поднять. Но и не могли потом просто соврать, что, мол, все взошли. Мы решили поднять одного. Как? Как придётся. Сравнить обессиленного восходителя с безжизненным стокилограммовым мешком некорректно: человек всё-таки шевелит немного руками и ногами. Но рассказать о внятной системе подъёма тоже вряд ли получится. Как-то подняли. Потихоньку. Шаг за шагом. «За маму, за папу». Будем считать, что он взошёл.

– Так сколько индонезийцев поднялось на вершину?

– Так я же говорю, трое!

– А может, отдохнули бы немножко и... стало бы трое?

– О чём ты говоришь? Часы показывали невозможное, смертельное, убийственное время – три часа дня. При жёстких рекомендациях покидать вершину до двенадцати, дальше вариант гибели увеличивается с каждой минутой.

– И?

– Нас спасла эта самая «стратегическая», крошечная, но с кислородом и горелкой аварийная палатка, в неё мы и набились на высоте 8500. Но тут возникла новая проблема: индонезийцев-то было действительно трое. И нас трое. А резервного кислорода только два баллона, а свой у всех закончился. Про сон и кислород для себя мы вообще не думали – лишь бы помочь бойцам. Речь шла не о комфорте, а буквально о жизни и смерти. Индонезийцы – то один, то другой – впадали в невменяемое состояние: с криками, молениями, плачем, ударами карате по воображаемому противнику, попытками выбраться из палатки. А мы поочерёдно давали им кислород, загребали возле палатки и топили на горелке снег, поили их горячей водой. Они пытались сунуть руки прямо в пламя горелки, приходилось оттаскивать...

Когда все спустились в базовый лагерь, к индонезийцам подлетели корреспонденты. Но восходители физически не могли говорить, они изъяснялись малопонятным шёпотом. Наши были тоже утомлены, но вполне дееспособны и даже с выраженными желаниями. Камера зафиксировала Володю, к которому журналисты обращаются за комментариями, а он отвечает: «Да брось ты камеру, пива! Пива давай!»

В Катманду участников экспедиции ждали уже семнадцать прилетевших из Джакарты генералов. Они искренне удивлялись, что взошли только три человека. Почему? Ведь был же приказ! Наши подробно объясняли ситуацию. Генералы слушали и понимающе кивали головами. А потом спрашивали: «Так почему только трое?»

Володю объявили национальным героем Индонезии. Вручили орден. Передали приглашение стать, вместе с семьёй и товарищами, почётным гостем президента Сухарто. И закатали банкет в Катманду, который продолжался... больше недели. Наверное, с учётом будущих грандиозных планов, следовало уклониться, воздержаться, ограничить... Следовало. Как и его кумира Абалакова, Владимира отличала упёртость. Но, в отличие от Виталия Михайловича, он не слыл аскетом – скорее, он был жизнелюбом. И это сыграло свою последующую роль...

В Индонезию, в гости к президенту, альпинист не полетел. Ждала новая звезда, никем пока не достигнутая звезда-мечта – она подогревала амбициозное стремление прекратить борьбу за место в «звёздном списке» и вырваться за его пределы. Стать первым. Самым первым среди всех первых...

А теперь ненадолго отвлечёмся от вполне правдоподобной, но всё-таки художественности, и прикоснёмся к реальной географической действительности. Впрочем, и она содержит как очевидности, так и загадки. Применительно к нашему повествованию одна из загадок берёт начало с многократно произнесённой цифры «четырнадцать».

Давно признано, что на планете Земля находится ровно столько гор высотой более восьми тысяч метров. Но так-то оно так, если не принимать во внимание тот факт, что горные массивы – не кремлёвские башни, и часто гора венчается не одним звёздным пиком, а несколькими. И если посчитать все восьмитысячники, то их окажется больше четырнадцати. Например, рядом с Канченджангой Главной (8586 м) находятся Канченджанга Южная (8491 м), Канченджанга Средняя (8478 м) и Канченджанга Западная (8505 м). Но в списке из четырнадцати вершин присутствует лишь одна, самая высокая Канченджанга.

В таком случае, сколько же в мире восьмитысячников? В задачу автора не входит такого рода подсчёт, нас интересует только один массив, а именно Лхоцзе. Здесь тоже не одна, а три ярко выраженных вершины: Лхоцзе Главная (8501 м), Лхоцзе Средняя (8414 м) и Лхоцзе Шар (8386 м). Сужа-

ем фокус поиска дальше и останавливаемся на Лхоцзе Средней. Почему всё-таки она? Потому, что к 1997 году, на котором остановилась наша история, именно эта вершина значилась в Книге рекордов Гиннесса как наивысшая точка планеты, куда не ступала нога человека. Нашим восходителям нравилось называть её пятнадцатой «восьмёркой», да и мировое альпинистское сообщество сошлось во мнении, что да, это – последний непройденный восьмитысячник. На фотографии, сделанной с вершины Эвереста, он виден явно: выраженная остроконечная вершина-конус, большая заточенная игла с пучком меньших конусов-игл, блистающих острыми, покрытыми льдом гранями карнизов.

Вот на эту звезду и замахнулся Володя. Не он один, конечно: к 97-му несколько экспедиций пытались взять запредельно трудную, но от этого и чрезвычайно привлекательную, престижную вершину, однако безрезультатно. Более того: участники этих экспедиций не могли сказать точно, по какому маршруту гору в принципе стоит штурмовать. Лхоцзе Средняя находится рядом с Эверестом в Главном Гималайском хребте и надёжно закрыта от восходителей вершинами Лхоцзе Главная и Лхоцзе Шар. Пик в обе стороны обрывается крутыми отвесами, пройти которые практически невозможно. Поэтому идея Владимира заключалась в том, чтобы попасть на Лхоцзе Среднюю через одну из соседних вершин.

Представим себе гигантскую трёхзубую пилу. Чтобы забраться на зубец в середине, надо сначала одолеть зубец справа, потом спуститься на гребень и снова подняться, уже к новой цели. Но и этого мало: надо ещё и вернуться обратно – тем же путём. В целом предстояло пять суток работы на запредельных высотах, в той самой «зоне смерти». Добавим: столько потребуется спортсмену идеальной формы в условиях отличной погоды. А при отсутствии одного из слагаемых?.. Володя пошёл на это восхождение. Давайте вспомним, что было к тому времени в его восьмитысячном альпинистском активе.

Про Аннапурну-91 и Эверест-93 мы уже рассказывали. То, что Владимир сделал дальше, не имеет аналогов в мировой практике альпинизма. Май 95-го – Дхаулагири. Май 96-го – Макалу. Сентябрь того же года – Чо Ойю. Октябрь – Шиша Пангма. Апель 97-го – Эверест с индонезийцами. И вот теперь, в мае – Лхоцзе. Итого с мая 96-го по май 97-го пройдено пять восьмитысячников, все без кислорода. Надеюсь, что вопрос о сумме звёзд на «мундире» альпиниста стал читателю пояснее. Равно как и то, что дело в общем-то не совсем в количестве. А в том, что никто кроме него!

– Мы думали, что отдых после штурма с индонезийцами принесёт положительный момент, – вспоминал Анатолий, товарищ Владимира. – Получилось наоборот. Спустившись вниз, в Катманду, после тяжёлой, громадной работы, мы резко сбросили высоту и пребывали в бездействии двенадцать дней. Это всё равно, что на полном скаку остановить лошадь. Или машина у тебя мчится со скоростью 130 километров в час, а ты резко затормозил – что с машиной станет? То же самое случилось и с нашими организмами...

Всё было очень похоже, и у меня, и у Володи. Я шёл на Лхоцзе с группой иностранцев, но мы поддерживали связь с русской экспедицией. В лагере на высоте около 7500 метров мы с Володей пересеклись. Я спросил у него, как дела. Он ответил, что плоховато себя чувствует. Я, говорю, тоже не в порядке, не в том состоянии, в котором хотелось бы находиться. Буду работать по самочувствию. То же самое прозвучало и от него.

В следующий раз я увидел Володю уже возле вершины. Смотрю, снимает фильм...

Вставляю в это повествование собственные и нетрагические «пять копеек». В свою первую гималайскую экспедицию, куда меня позвал Володя, я, естественно, взял видеокамеру. С полностью заряженным аккумулятором и ещё одним запасным. Первого хватило где-то на час съёмки. А второй, который я подсоединил на высоте за пять тысяч метров, сник через десять минут. Как же так, выходит, знаменитая фирма Sony нас обманывает своей рекламой?

– А ты где аккумулятор держишь? – спросил Владимир.

– В рюкзаке, где же ещё!

– Э-э-э, дорогой, ты не прав. Надо на груди, под свитером, а лучше – в трусах!

Он не шутил. И с самых сложных восхождений привозил с собой отснятые видеокассеты – тогда понятия «цифры» не существовало.

Есть и другой момент. На сложном участке маршрута снимать крайне трудно. Как вы будете это делать, когда в руке ледоруб, молоток, верёвка? Или всё вместе взятое? Володя «убегал» вперёд, находил устойчивую площадку и снимал...

– Казалось бы, если снимает – значит всё нормально, – продолжал рассказ Анатолий. – Но с Володей не так: он всегда в себе, никогда не афиширует слабость; никогда не скажешь, в какой он кондиции на самом деле. Перекинулись с ним словами.

Я ему честно признался: «Что-то уплываю из реального мира, плохо мне, то ли акклиматизацию потерял, то ли болезнь. Если на спуске увидите, что лежу где-то в снегу, не удивляйтесь». О помощи не просил. Чего просить – у них своих проблем хватает.

Володя мне говорит: «Слушай, у меня ночью была температура, я плохо себя чувствовал».

«А как сейчас?»

«Вроде нормально, только очень большая слабость. Вы проходите, я всё равно буду ждать, пока все спустятся с вершины...»

Видно было, что ему нехорошо. Но слабый человек, когда ему плохо, он не сможет работать, не будет подниматься. А сильный будет. Поэтому у сильного человека риск погибнуть на высоте гораздо выше, чем у слабого. У слабого барьер срабатывает, и он не идёт дальше, а сильный перебарывает себя.

Поднявшись на вершину, потом чуть приспустившись и ожидая других, Володя вынужденно задержался на высоте, и это усугубило его состояние. Когда стоишь, становится вроде бы полегче, но это обманчиво: реально уплываешь и перестаёшь адекватно оценивать ситуацию...

Другой товарищ, Сергей, участник Володиной группы, нашёл альпиниста сидящим на камне всего в нескольких десятках метров от вершины.

– Я остановился и стал уговаривать Вовку встать и идти. Он меня слышал, но вместо движения, которое в той ситуации в буквальном смысле есть жизнь, только повторял: «Дайте тёплое питьё – чай и кислород». Но откуда у меня чай? Я понял, что Володя сам не дойдёт, связался по радиации со штурмовым лагерем и попросил помощи. Вскоре получил ответ, что двое вышли. А один парень, который быстрее всех забежал на гору, отказался. Да, считается, что в «зоне смерти» каждый отвечает только за себя, что говорить о взаимовыручке в условиях, несовместимых с жизнью человека, нельзя. Но я его осуждаю. Нечего бегать на скорость, если у тебя нет сил, а главное, мужества, чтобы выйти на помощь из тёплой палатки. К тому же есть кодекс чести альпиниста, в СССР его знали все люди, которые ходят в горы. Главная заповедь: вершиной стоит пренебречь, если на кону жизнь человека. Сам погибай, а товарища выручай – ничего нового. Я этого и придерживаюсь...

Сергей почти волоком потащил Володю вниз. Почувствовав, что замерзает, оставил товарища на склоне, пристёгнутым к верёвке на высоте около 8000 метров, и полуживой добрался до палатки. По словам Сергея, он чувствовал, что через час может умереть сам.

Обессиленные альпинисты, преодолевая себя, добрались до Володи и принесли кислородные баллоны. Пять часов он дышал живительным газом. Но кислород не помог. Видно, отказало сердце. У этого человека воля всегда бежала впереди сердца, а сейчас унеслась так далеко, что оно остановилось. Поняв это, друзья оставили его, а сами вернулись к палатке, чтобы бороться теперь за свою жизнь...

Утром, отдохнув, если ночёвку на такой высоте можно назвать отдыхом, вернулись к телу. Завернули в спальник, отнесли в сторону, оставили на скальной полке. Сил на что-то другое не оставалось...

Незадолго до последней экспедиции Володя рассказывал:

– Как играющий тренер, я иду с командой наверх, несу тот же груз, что и другие, плюс видеокамеру. Часто захожу вперёд, оттуда виднее, легче управлять процессом восхождения. Вижу глаза ребят, слышу их дыхание. Вообще считаю, что руководить сложным восхождением по радио неэффективно. Грамотно руководить. Это как будто из космоса координировать езду на велосипеде. Когда вижу, что человек перегрузился, близко подошёл к опасной грани, поворачиваю его вниз, даже силой! Ничего, там, внизу, поймёт и будет благодарен, что ему жизнь спасли. Но возражения редки: у меня за плечами семь «восьмёрок», люди уважают этот опыт, прислушиваются...

А его остановить было некому.

Через год к Володе поднялась русская экспедиция. Не для того, чтобы спустить вниз и отвезти на родину. Он не хотел этого. Он просил – не когда умирал, а гораздо раньше, – чтобы не спускали, чтобы оставили здесь, в горах. Так и поступили: пришли, простились и завешание выполнили. Чтобы звезда и смерть навсегда были рядом.

Другие придут

У Высоцкого есть об этом:

... Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд,
Пройдут тобой не пройденный маршрут...

Придут, конечно, куда ж они денутся! Туда, где «как вечным огнём сверкает днём вершина изумрудным льдом, которую ты так и не покорил». А если покорил, тоже придут? Естественно.

Кто придёт? Интеллектуалы и люмпены, о ком я говорил чуть раньше? Конечно, придут.

Религиозные фанатики? И они. Помните Мориса Уилсона, не обладавшего никакими альпинистскими навыками, – всё равно замахнулся на целый Эверест.

Или просто «чудики»? Я не раз встречал «нормальных» людей, которые и по поводу меня самого крутили пальцем у виска: мол, парень он ничего, но с некоторым загибом. Да, и просто «чудики» придут. А «нормальные» будут ходить по ровной местности, плавать по ровной воде и летать по ровному небу. «Нормальные» аккуратно залезают на унитаз и столь же осторожно слезают с него: а что, можно навернуться будь здоров и получить травмы, не совместимые с продолжением пьянки. Правильно делают!

Но почему ж мы то и дело встречаем довольно странные фразы типа: «Его (её, их) *восхождение* началось (продолжилось, завершилось)...» Причём фраза «восхождение» может относиться к чему угодно – творчеству живописца, изысканиям учёного, мастерству врача, победам военного. Соответственно, и слово «вершина» приобретает в таких случаях иное значение, отличное от «сверкания изумрудным льдом»: талантливая картина, судьбоносное открытие, успешная операция, выигрыш на поле боя.

В поисках адекватной метафоры обратимся к очередному художественному произведению. В 1969 году белорусский писатель Василь Быков написал повесть «Сотников» («Ликвидация»). Любопытно, что спустя сорок четыре года Министерство образования и науки включило признанное и в СССР, и в новой России произведение в список ста книг, рекомендованных для самостоятельного чтения российских школьников.

Если в повести и есть «изумрудный лёд», то исключительно в виде белорусской зимы. Два участника партизанского отряда идут на задание в деревню, чтобы достать продовольствие, одежду, медикаменты. Они не решают ни одной из задач, натываются на полицаяев, попадают в плен и подвергаются пыткам. Итог: один из героев преодолевает страх, что даёт ему «почти абсолютную независимость от силы своих врагов», с этим и погибает. Другой осторожничает, идёт на компромиссы и как-то незаметно становится предателем и палачом.

В 70-е режиссёром Ларисой Шепитько по книге снимается фильм, почему-то названный... «Восхождение».

Уже в 2000-е критик написал: «Это история про человека, который мог быть рождён на тридцать лет раньше, который попал в известную всем нам трагическую ситуацию, прошёл через все испытания, сам погибал, сам предавал, сам выживал, сам вычислял для себя формулу бессмертия и сам приходил к тем открытиям, к которым пришёл Сотников».

Получается, что когда мы говорим о восхождении, то речь идёт о пути к вершинам собственного сознания, к своему идеальному кредо. Успех, а скорее высший смысл, на этом пути заключается не в достижении некоторого материализованного пика, не в сохранении жизни, а также и не в смерти, а в последовательности движения, в его реальном соответствии идеально заявленным целям.

Вот почему «другие придут». Другие идут. Другие будут идти.

Вот почему и автор получивших народное признание строк про «других» и про «изумрудным льдом», сыгравший роль радиста в фильме про альпинистов «Вертикаль»; и актриса, получившая там же роль врача, всю жизнь, в разных ситуациях, вспоминали *это* – восхождение, которое они в качестве альпинистов... не совершали.

Как поёт, рассуждая о собственных, далёких от гор восхождениях, *другой* пришедший к нашей теме бард, Виктор Третьяков:

Вот такая, браток, философия,
Да не смотри на меня, как на шизика,
Нету, скажешь, по жизни пособия?
Да это ж просто начальная физика...

Жил-был Фёдор. Нет-нет, не мальчик «дядя Фёдор» – персонаж мультфильма «Трое из Простоквашино», а *другой* Фёдор. Хотя, почему не мальчик? Сначала и мальчик из приморского села. Коль водная стихия рядом, то и тяга к ней, и привычки формируются морские. Закончил мальчик мореходное училище и стал судоводителем. А через некоторое время записал в актив следующее учебное заведение по морскому профилю – арктическое. И получил уже не мальчик, а молодой человек специальность судового механика. Любил Фёдор рисовать: сперва море, а потом и всё остальное. А посему и художественное училище осилил. Так постепенно, пока на учебно-тренировочном уровне стал формироваться характер восходителя.

Морского. Начинал с прохождения на яхте «Чукотка» маршрута Витуса Беринга. Совершенствовал форму восхождения в процессе первого в истории России одиночного кругосветного плавания нон-стоп на яхте «Караана». Потом было ещё три «кругосветки» с внушительным набором мировых рекордов.

Но есть и небо – бескрайнее, загадочное, привлекательное. Как же без неба?! И «завёлся» Фёдор небом. Совершил одиночный кругосветный полёт на воздушном шаре «Мортон». Установил абсолютный мировой рекорд продолжительности полёта на тепловом аэростате «Бинбанк». Показал самое быстрое время кругосветного полёта для аэростатов любого типа.

А что с землёй? Как же без земли! Можно «восходить» по ней на двухколёсном транспорте – например, в ходе трансконтинентального велопробега из дальневосточной Находки в Москву. Или на четырёхколёсном, преодолевая то же расстояние на внедорожниках.

Прекрасный вид транспорта – собачьи упряжки. И Фёдор пересекает на собаках Чукотку, Аляску, Гренландию, Северный Ледовитый океан.

Не обошёл вниманием Фёдор и «кораблей пустыни». Восходитель – а как по-другому можно его назвать одним именем – организует первую в истории современной России караванную экспедицию «По следам Великого Шёлкового Пути».

Можно ли восходить без помощи транспорта? Разумеется! И Фёдор встаёт на лыжи. Трансарктическая лыжная экспедиция СССР – Северный полюс – Канада. Одиночный поход на лыжах к Северному полюсу.

Всё неполное *это* – в двадцати книгах и трёх тысячах картин.

И как незавершённый итог восхождений: Фёдор – первый россиянин и третий человек в мире, выполнивший программу Adventures Grand Slam – Большой Шлем Приключений, а это Северный полюс, Южный полюс и семь высочайших вершин – по числу континентов мира.

Вот о них-то мы и поговорим: сначала возвышенно и даже божественно; а потом приземлённо, несмотря на высоту, и по-человечески.

Я знакомился с Фёдором, но наблюдал его на тусовках, рядом с моими товарищами-альпинистами. Они воспринимал его... ну, не знаю, в общем, не как альпиниста. Без уважения? Не-ет, Фёдора, конечно, уважали. При этом сквозь уважение глубоко в контексте проглядывало: «Ты занимаешься своим делом, своими мореплаваниями? Ну и занимайся, плавай дальше! Зачем тебе чужое поле?» После удачных акций Фёдора в горах тихо, между строк, звучало: «Да заташили...» Короче говоря, альпинисты относились к Фёдору ревностно. Конечно, впервые он зашёл на Эверест в 1992-м, раньше существенно более сильного и опытного Володи, да и многих других. Как такое удалось? Сразу не ответишь. Помогали ему? Помогали. Так что же.

У крутейших гидов мира – организаторов восхождения на эти самые семь вершин – есть хитрейшая фишка. Вот ты спрашиваешь у него: я готов заплатить требуемые пятьдесят тысяч баксов за восхождение на Эверест, но гарантируешь ли ты мне успех? Гид, разумеется, поинтересуется твоим здоровьем, и, если ты обнаружишь заболевания, он за дело не возьмётся. Далее он спросит про опыт. Ты скажешь, что нет опыта. Он порассуждает на тему о том, что это, мол, твоё решение и так далее. А ты опять со своим вопросом: «Так ты гарантируешь?» И он ответит утвердительно. Что же касается опыта, скажет, что его можно приобрести в период подготовки к восхождению.

Получается, плати, собирайся и ступай на Эверест? Получается так. Где же подвох? А подвоха нет. Даже когда ты выбьешься из сил и скажешь, что не способен идти дальше, гид обязательно станет тебе помогать. Но когда ты произнесёшь слова *«не пойду дальше»*, он повторит уже слышанную тобой фразу: «Это твоё решение». Так что диагноз «заташили» к любому восходителю на Эверест не очень подходит – нужна воля. А ещё лучше – вновь обращусь к Высоцкому – «воля волей, если сил невпоровот».

Я читаю дневник Фёдора образца 92-го года.

17 апреля.

«Лежим в палатке с Женей Виноградским и обсуждаем план штурма Эвереста. Завтра выйдем ставить последний лагерь, номер четыре, на высоте 8000 метров. После благополучного возвращения мы всей командой уйдём вниз, в зелёную зону, к монастырю Тянгбоче, на отдых дней на пять. А потом штурм вершины.

Что меня ждёт там, выше восьми тысяч? Сможет ли мой организм выдержать нагрузку на такой высоте? Хватит ли кислородных баллонов? Передвигая жумары по обледенелой верёвке, провожаю глазами летящие рядом камни. Они сыпятся из-под ног Жени. Пробую представить, что будет, если камень попадёт мне в голову. Но на моё беспокойство здесь нет времени.

Под нами более тысячи метров отвесной стены. Стараюсь вовремя увернуться от очередного камня, который так и норовит попасть в меня. По стене справа одна за другой сходят лавины. Холодный ветер со стороны Лхоцзе пронизывает насквозь. Руки заоченели, ног не чувствую вообще, поэтому некрепко держусь на кошках...»

А дальше, смотрите, что Фёдор пишет дальше:

«Я надеюсь на Господа Бога, что он защитит меня. “Ибо Господь, Бог твой, ведёт тебя в землю добрую; в землю, где истоки вод, источники и озёра выходят из долин и гор”».

14 мая.

«Я на вершине Эвереста. Я плачу. Слезы такие горячие, что не успевают замёрзнуть на ресницах и скатываются под кислородную маску. В этих слезах – печаль, радость и благодарность одновременно. В моих глазах всплыла прошлая картина, как мы шли по гребню от Южной вершины к главной. После того, как прошли скалу Хиллари и до вершины оставалось минут пятнадцать хода, меня обошёл Володя Захаров. Он перестегнул карабин на верёвке, связывающей нас, и пошёл первым. На его кислородном баллоне я увидел, что стрелка манометра стоит на нуле. Значит, баллон пуст и его надо сменить! Я хлопнул Володю по плечу и показал на манометр. Он догадался без слов. Тем более, что разговаривать не было никакой возможности – мы дышали через маски кислородом.

Володя остановился и сел, чтобы сменить баллон. И тут же полетел вниз, на китайскую сторону Тибета. Под Володей оборвался снежный карниз. У меня промелькнула только одна мысль – броситься в противоположную сторону, чтобы он не потащил меня за собой, и тем самым удержать его. Володя повис на верёвке, которую я держал, над пропастью в три километра. Я сорвал маску и крикнул Серёже Пензову, чтобы он быстрее шёл на помощь. Но на такой высоте не разбежишься. Серёжа подошёл ко мне, снял маску и сказал: “А куда спешить? Если он сорвался, то мы уже ничем не сможем помочь”. Я со злостью ответил, что у меня натянута верёвка, значит, Володя висит на ней.

Пока мы рассуждали, как помочь нашему товарищу, и дышали воздухом Эвереста, показалась одна, а затем другая рука. А потом на гребень вылез и сам Захар, как мы его прозвали между собой. Мужественный парень и сильный. Без кислорода и чьей-либо помощи выбрался из пропасти. Не каждый смог бы это сделать».

И снова:

«Я уверен – мне помог Господь Бог и те, кто пытался совершить восхождение и погиб в этой борьбе. Они невидимой армией поднялись с ледовых стен Эвереста, чтобы преградить путь смерти: нет, этого парня не трогать! Пусть идёт к вершине! Он ещё не готов прийти к тебе, смерть! Он очень любит жизнь!

“От Господа направляются шаги человека. Человеку же как узнать путь свой?”

Чтобы узнать свой путь и как идти по нему, надо всё время спрашивать у Бога. Каждый свой шаг, каждое движение сверять с ним.

Я поймал себя на том, что я пуст, что больше нет не только физических, но и душевных сил. Весь мир стал бессмысленным. Появилось ощущение огромной бездны между жизнью и смертью. “Неужели я не спущусь с Эвереста, когда уже вершина позади?” – подстёгивал я себя. И вдруг где-то в далёком уголке моего мозга, кроме пустоты, появилось животное ощущение жизни, напомнило, что я живой и меня ждут впереди земные радости и новые путешествия.

Гималаи – священное место. А Эверест – святыня из святынь. Каждый альпинист стремится попасть сюда хоть раз в жизни. Как христианин мечтает о Иерусалиме, мусульманин о Мекке, буддист мечтает о Лхасе. Если ты не видел Эвереста, твоя жизнь на земле ничего не стоит.

Мой череп трещит по швам, но я не удивляюсь. Всё же высота выше восьми тысяч метров. Кислородные баллоны почти пустые. Передвигать ноги исключительно трудно. Мне хочется сесть и не двигаться. Я стал равнодушен к тому, что в любой момент моя душа покинет уставшее и окоченевшее тело. Такие мысли сверлили мой мозг. И только подошедший Женя Виноградский их прервал.

Он указал мне на далёкую вершину Чо-Ойю – Милость богов. Эта гора меньше Эвереста, но достигает 8201 метра. На неё Женя взошёл прошлой осенью, оставив лежать мёртвым Юру Гребенюка, погибшего от сорвавшегося камня. Моё шестое чувство – опыт, седьмое – Вера. Великая Вера в жизнь. Восьмое – предугадать, что принесёт следующий день.

Человеку дана жизнь, чтобы она ему служила, а не он ей служил».

31 мая.

«Самолёт ТУ-104. Рейс Катманду – Москва. Приближаемся к Москве. Я ещё не ступил на родную землю, а меня уже охватила тоска по Гималаям, по дням, проведённым на склонах Эвереста. Мне не хочется возвращаться в мир повседневной суеты и рутины. Я оставил товарищей там, в далёком Непале. Я не буду больше делить свою палатку с Женей. Мой сон в городской квартире не будет нарушен грохотом лавин, идущих со склонов Эвереста и Лхоцзе. Я почувствовал, что это конец моих приключений в Гималаях, и настало время сделать выводы: что же я познал для себя при восхождении на Эверест? Достиг ли я своей жизненной цели?

Нет, сейчас рано задавать такие вопросы – слишком всё живо в моей памяти. Я переживаю гибель индийской команды, трудный путь через ледник Кхумбу, где наша работа была словно хождением в церковь – туда и обратно. Переживаю долгую ночь на Южном седле. Там мне казалось, что из-за палатки пустыми глазницами уставилась на меня “костлявая” и не сводит тяжёлого безжалостного взгляда. И ураганный ветер в третьем лагере.

В горах мы не ставили рекордов и не прокладывали первопроходческих маршрутов. Говорить об этом глупо. Это значит – оскорблять горы и сам Эверест. Людям, далёким от путешествий, невозможно понять, зачем человек подвергает себя такому риску, испытаниям – ради чего? Чтобы вернуться из экспедиции с новыми долгами, как у меня сейчас – 15 тысяч долларов. Кое-кто скажет – рехнулся, а иностранцы пробормочут “crazy”. Да, я по-своему сошёл с ума. Три месяца я видел только горы, небо, звёзды, сверкающий на солнце снег. Мой слух не терзали неестественные звуки машин. Рядом с природой рождается чистота чувств. И сейчас, сидя в удобном кресле самолёта, я думаю про себя: какого чёрта ты собираешься в Россию, что ты будешь делать дома, в бухте Врангеля? Вот где настоящее сумасшествие...»

Спустя восемнадцать лет Фёдор направил патриарху Кириллу прошение о принятии священного сана. Первосвященитель Русской Православной церкви дал положительный ответ на прошение с правом выбора епархии, в которой состоится хиротония. 23 мая 2010 года, в день Святой Троицы, на малой родине путешественника, в Свято-Покровском кафедральном соборе Запорожья, Фёдор рукоположен в сан дьякона – первую, низшую ступень церковного служения. В декабре того же года, в день Святого Николая Чудотворца, в Свято-Никольском храме Запорожья – в сан иерея.

Не знаю, насколько нужны церкви такие, странствующие по морям, небесам и горам священники: не мой, как говорится, вопрос. Но самому Фёдору, видимо, было нужно.

А ещё через два года ему, шестидесятилетнему мужчине, стало нужно... зайти на Эверест во второй раз. Зачем, ведь личный рекорд восхождений уже зафиксирован? У меня опять нет ответа. Но в мае 2012-го Фёдор вновь покорил вершину. И как раз тогда, после восхождения, состоялся совершенно земной, лишь с небольшими божественными вкраплениями, разговор.

Впрочем, начался он всё-таки с Бога, а точнее – с духовности:

– Все горы коварные. Эверест нужно уважать. Как в Святом Писании: «Если ты находишься здесь телом, но не находишься духом – сие бесполезно». Когда забивал крючья в эту гору, до меня дошло: надо созреть духовно, чтоб молотком по нему стучать. Чтоб у тебя было право вбивать крюк в Эверест.

Эверест, он живой. Весь мир живой. Раньше мне, молодому, было сложно путешествовать. Слишком много тщеславия. С трудом переносил одиночество. Попробуйте провести сто дней без общения. Или двести, как в первых моих кругосветках. Не было ничего тяжелее одиночества! А сегодня я понял: нету на земном шаре одиночества. На Земле всё живое. Тот же океан – в нём киты. Горы живые. Пустыня. В пустыне с тобой Господь Бог. И святые, которым молишься...

Так всё-таки о земном. Вот смотрю, входит возрастной Фёдор в зал своей неповторимой походкой. А точнее? Усталой? Нет. Мужественной? Нет! Величественной? Да боже упаси, говоря словами самого путешественника! Он, лохматый-бородатый «старец», входит чуть ли не вприпрыжку! И что, такая походка в шестьдесят с лишним лет святым духом даётся? Хм, вряд ли... Как-то Фёдор обмолвился (а может, мне почудилось?), что каждый день – когда путешественник дома, в России – пробегает собственным маршрутом... 54 километра.

– Это правда? Про 54 километра?

– Времени нет столько бегать. Ежедневная у меня только молитва. Но когда бегу – укладываюсь в семь часов десять минут. Это не сильно быстро. Так, рысцой...

Ах, вот как! Ну, тогда уж надо спросить про наше русское, исконное, природно-приобретённое:

– Водочку вы пьёте?

– Не-е, она горькая. Мне бы что-нибудь сладенькое – шампанское, вино. В экспедиции обычно беру коньяк, разведённый со спиртом, и добавляю мёд – чтоб послаще было. Когда в Непал лечу, обязательно в дюти-фри покупаю по бутылке коньяка и виски. В Катманду опасенько – грязь кругом, антисанитария. Перед завтраком непременно стопочку употребить надо.

– А если высоко в горах накапать?

– Там уже никто не пьёт. Даже воду еле-еле в себя вливаешь. Про еду на такой высоте и говорить нечего. Кислорода не хватает – и организм отказывается принимать пищу. Она не усваивается – камнем лежит. Поэтому, когда идёшь на последний штурм, возьмишь с собой конфетку про запас, и всё. Я вообще-то человек закалённый, неприхотливый. Когда в 1989-м шли к Северному полюсу и закончились продукты, снег кушал! Убеждал себя, что есть в нём какие-то питательные вещества. Опять же всё от настроения зависит. По молодости я морскую воду пил.

– Как правильно вести себя на высоте?

– На Эвересте гибнут из-за сердца. Дыхалка, отёк лёгких. Срывы редки. На высоте восемь – восемь с половиной тысяч метров больше двух суток находиться не стоит. Единицы выдерживают около четырёх. Я встречался с нашей альпинисткой, вернувшейся с Эвереста. Спросил: «Почему бы тебе не стать первой женщиной в России, поднявшейся на четырнадцать восьмитысячников?» Она усмехнулась: «Фёдор, я раз поднялась – и некоторых друзей в записной книжке уже смутно помню. А через четырнадцать восхождений перестану узнавать мужа и детей...»

При недостатке кислорода клетки головного мозга отмирают. А там с кислородом беда. Голова «плывёт», и проблемы с памятью после Эвереста – обычная история.

– Вы на себе это почувствовали?

– Разумеется. Постепенно всё восстанавливается, но не до конца. Имена помнишь, а вот стишки какие-то забываются напрочь. Вообще на Эвересте очень тяжёлый воздух. Невкусный. Идёшь на яхте в океане или на лыжах к полюсу – хоть Северному, хоть Южному – и дышишь полной грудью! Воздух свежий, чистый! А в горах пахнет смертью. Не буквально, конечно – при подобной температуре трупный запах исключён. Просто обстановка такая мёртвая, мёртвых вокруг много...

Часовенку рядом с мастерской построил в память о моих погибших друзьях – моряках, альпинистах, путешественниках. Там перечислены тридцать две фамилии. Я всегда молюсь за них, за тех, кто отправляется в новые экспедиции. Всё в руках Бога. К примеру, стоим вдвоём, между нами меньше метра. Вдруг с обрыва летит камень, который оба не видим. Он попадает в товарища – и тот умирает. А у меня ни царапины. Думаешь: почему он, а не ты?..

Вот такой *другой* Фёдор. Он пришёл. И ещё придёт.

Однако, углубившись в философию восхождения, а затем в историю Фёдора, я как-то отвлёкся от незаконченного сюжета про последний восьмимысячник – Лхоцзе Среднюю. Что же там происходило?

Прошло четыре года, и состоялось четыре экспедиции с попытками взять непокорный пик. Добавились погибшие, а успех не приходил. Так наступил май 2001 года...

Вы не помните, что случилось в начале июня 2001-го? Нет? Тогда я начну с конца и процитирую прямо самого себя:

«...Я делился впечатлениями от Лангтанга, а Петрус слушал без особого интереса и кивал изредка головой. То есть между нами не происходило никакой серьёзной беседы – обычная ни к чему не обязывающая болтовня. В ресторане работал старый телевизор, шипящий, скрипящий, с трудом воспроизводящий малопонятные комментарии ведущих. Мы телевизор не смотрели, да и плохое звучание нас не слишком трогало, поскольку передачи шли на непальском языке. Но совсем не замечать экранные картинки не получалось. В какой-то момент показали королевский дворец, потом портреты членов семейства, а изображение Дипа – крупным планом.

Почему портреты? Это несколько удивило, поскольку мы привыкли лицезреть небожителей “живьём”. Потом мы увидели внутренний двор королевской резиденции – пространство, которое мне никогда не приходилось наблюдать даже по телевизору. Что-то во дворце было не так, беспорядок, что ли. Далее продемонстрировали лежащее на траве оружие, затем камера переместилась на улицы города, где на площадях собирались кучки людей... По картинкам, по тону диктора стало ясно, что произошло нечто особенное и, скорее всего, трагическое.

Мы обратились к бармену – он, как и все торгаши здесь, говорил по-английски. Английский у него был сносный, однако мы всё равно не очень понимали смысл сказанного. Бармен взволнованно сообщал о том, что вроде бы у принца Дипа в руках стал непроизвольно стрелять автомат. Что есть жертвы среди королевской семьи. Что сам Дип тяжело ранен и находится в госпитале...»

Именно в такой атмосфере в первых числах июня наши альпинисты возвращались из экспедиции на Лхоцзе. В конце мая по телевизору сообщались довольно короткие сведения о том, что происходило на горе. Потом просочилась информация, что, мол, имели место победы и рекорды и что состоится торжественная церемония чествования победителей во дворце короля Непала, пройдут встречи с королём и премьер-министром. Не будучи постоянным зрителем местных телеканалов, я, честно говоря, не очень уразумел, взойшли россияне на Лхоцзе или нет. По какому поводу планируются торжества, я тоже не разобрался: в это же время сибиряки штурмовали Эверест. Может, король будет общаться с ними?

После первого июня королевству альпинизма стало и вовсе не до нас. Про восхождения как будто вообще забыли, что и понятно: с погибшим королём Биром встречи точно не будет.

Забинтованный, с больной головой, температурой я зевал на привычные толпы митингующих-протестующих на улицах непальской столицы, то и дело принимая успокоительную дозу кукри-рома. И внезапно увидел Николая – ну, того, которого на Южной Аннапурне представлял под прозвищем «Заслуженный». Он не удивился моему появлению и вообще был спокоен – я, в принципе, никогда не видел Николая взволнованным. Заслуженный дежурно спросил: «Что у тебя с головой?», я дежурно ответил: «Да так, пустяки», и, в свою очередь, поинтересовался, как дела. Тут восходитель произнёс фразу, которую я не только запомнил навсегда, но и вынес в заглавие этой части моего повествования: «Дела такие. Ты знаешь, старичок, *вопрос закрыт*...»

Теперь расскажу по порядку. Весной 2001-го в базовый лагерь Эвереста, для восхождения на Лхоцзе, пришли *другие* – российская команда из двенадцати человек под руководством Заслуженного. Уровень серьёзности намерений был максимально возможным: одиннадцать альпинистов имели предыдущий опыт восхождения на восьмимысячники.

Некрещёные – а это половина команды – перед экспедицией покрестились в церкви. Да и вправду «наступает момент, когда каждый из нас у последней черты вспоминает о Боге...». В Москве восходителей благословил русский батюшка, в Непале – тибетский лама: кто ж знал, какие боги станут покровительствовать отважной дюжине...

Сначала боги дали отличную погоду, что совсем немало. Но даже к моменту нахождения в ЕВС экспедиция не получила разрешение правительства Непала на восхождение. Наконец – о, радость! – прямо в базовый лагерь прилетел «волшебник в голубом вертолёте». На глазах полутысячи изумлён-

ных альпинистов со всего мира из Ми-8 выскочил замминистра туризма Непала и вручил россиянам разрешение номер один на штурм великой горы. Не жалко: в восхождение русских мало кто верил, так хоть деньги получить...

Первая часть маршрута к цели – общая, что на Эверест, что на Лхоцзе. Наши «толкались» с другими экспедициями, потом оторвались от них и пошли самостоятельно. Намеченный ранее штурмовой отрезок, когда приблизились к нему вплотную, оказался страшен даже для «гималайских тигров». Взвесив шансы, отказались от первоначального плана и решили подниматься на гребень уже изученной вершины Лхоцзе Главная, где погиб Володя, и оттуда искать подход.

А Владимир остался не только в виртуальной памяти: восходители вспомнили и повторили его «индонезийский опыт», разбив палатку пятого лагеря на высоте 8250 метров. Из-за внезапно испортившейся погоды ребята провели в этой палатке, менее чем в двухстах метрах от вершины, тяжелейшие четверо суток, что спасло им жизнь и стало одним из абсолютных мировых рекордов, поставленных экспедицией. Только лучше б этого рекорда не было.

– Раньше наши все переболели трахеитом, когда кашель и голос пропадает, – вспоминает руководитель восхождения Виктор. – Один участник группы шёл на антибиотиках, другому стало так худо, что решил вернуться. На последнем отрезке у нас кончилась верёвка, а рядом с соседней вершины возвращались японцы. Ожидая своих шерпов, которые несли дополнительные верёвки, мы могли потерять время и погоду, поэтому купили у японской группы триста метров верёвки за четыреста долларов, хотя им красная цена – сорок «зелёных». Сложилась интересная ситуация: мы, покупатели верёвок, думали о небесном; а продавцы – исключительно о земном. Вот какой любопытный бизнес встречается в горах!

Мы вышли на штурм в 5.30 утра. Подъём по «склону» в пятьдесят-шестьдесят градусов иногда переходил просто в отвесную скалу. Там невозможно было работать в перчатках, вбивая крючья в твёрдый как камень лёд. И тогда Алексей, шедший первым, снял перчатки и работал на диком ветру «голышом». Чудо: он не обморозил рук, только «сбил» кончики пальцев.

К восьми часам утра на вершине Лхоцзе Средняя собралась первая русская четвёрка, и взметнулся наш триколор. Над нами был огромный сугроб в несколько метров, подниматься по нему было крайне опасно, – мог «съехать» в любой момент! Но наши сделали и это, чтобы ни одна сволочь не могла потом сказать, что русские на самую-самую маковку всё-таки не поднялись!..

Говорят, что когда меценат, финансово поддерживавший экспедицию, увидел фото ребят сразу после спуска в штурмовой лагерь на Южном седле, а позже – видеосъёмку работы на маршруте, он сказал: «Знал бы раньше – не дал бы денег...»

В общем, в Катманду, вместо назначенных ранее торжеств, восходителей встретил комендантский час. На улицы высыпало невиданное ранее количество полицейских, которые бились с демонстрантами и, как потом выяснилось, арестовали более шестисот участников непонятных нам протестов.

В российском посольстве ребят, конечно, приняли, посол тепло поздравил, все вместе выпили за победу.

8 июня, *закрыв вопрос* с неудобной «иглой» на высоте 8414 метров, *другие* вылетели в Москву.

ГЛАВА III

Биг фут

Воинская часть непальской армии стояла на границе лесного массива и морены, под ледниками, и располагалась в двух казармах. Гражданская война стихла, её отголоски всё реже докатывались до этой местности – да и то в виде слухов. Солдаты и офицеры вели обычную жизнь: строевая подготовка, стрельба, учебные занятия в классах, спорт, приём пищи, сон...

Спокойным выдался и этот вечер. Небольшой промежуток между окончанием формальных армейских процедур и отбоем во всех армиях называется «свободным временем». Используется оно в большинстве случаев столь же одинаково: кто-то готовится к завтрашнему строевому смотру и приводит в порядок одежду и обувь, другие играют в разрешённые настольные игры, третьи пишут письма домой, четвёртые смотрят телевизор.

Рядовой Майла, нескладный и медлительный, за целый год службы не научился быстро делать всё положенное распорядком: медленнее товарищей просыпался, позже заправлял постель, а побриться зачастую и вовсе не успевал, за что получал регулярные замечания от начальства. Но со временем приспособился и бриться стал не утром, а вечером. Умывальное сооружение находилось на улице, освещалось фонарём, так что туалет мог производиться в любое время суток. В том числе и в этот вечер.

Майла развёл в чашке обычное мыло, поскольку покупать пенки для бритья было дороговато, да и негде. Нанёс помазком взбитый раствор на лицо и не спеша водил станком по щекам. И тут почувствовал чью-то руку на плече, потом на втором. Видимо, кто-то из товарищей подкрался и решил напугать. «Сделаю вид, что забоялся, сожмусь, а потом резко повернусь и сам напугаю!» – подумал Майла, а затем так и сделал. Но увидел солдат не товарища, а огромное, примерно двухметровое, страшное, сплошь покрытое волосами существо с пронзительными красными глазами, которые, казалось, прожигали насквозь. Оцепенев, Майла заорал, и крик его был, вероятно, настолько необычен, что бойцы в казарме, даже не интересуясь причинами паники, сразу начали хватать оружие и, передёргивая затворы, выбегать на улицу.

Подошедший позже офицер хотел было выдвинуть версию, что Майле пригрезился непонятный враг, но очевидцы её отвергли: многие видели убегающую фигуру, пусть и не слишком различимую в темноте, но явно не похожую на человека. У Майлы начались заикания, его показывали врачу. Бриться в темноте солдат больше не выходил. Но мало-помалу всё улеглось, история постепенно перестала обрастать, как это обычно происходит, ужасающими подробностями и сошла на нет.

Спустя два месяца, когда в казарме все спали, наиболее чуткие бойцы стали слышать сквозь сон, что кто-то громко сопит и возится между кроватями. Что за бардак? Кто вошёл в казарму? Куда смотрел дневальный? Наверное, уснул на посту! Самый недовольный вскочил с постели, намереваясь включить свет и разобраться с нарушителем спокойствия, однако на пути к выключателю ткнулся головой в большой, поросший шерстью живот. Когда лампочка зажглась, солдаты увидели это, похожее на существо, описанное Майлой, да ещё с детёнышем, которого пришелец укладывал на свободную кровать. Тут уж закричали все и, забыв про оружие, начали бросать в пришельцев тем, что попадалось под руку – берцами, подушками, тубиками с зубной пастой, сапожными щётками. Существо засуетилось, подхватило детёныша и покинуло казарму...

Обе истории, соединённые вместе, получили немалую огласку в Непале, а потом и за его пределами. В район на границе с Индией, внезапно ставший знаменитым, потянулись сперва случайные путешественники, вслед за ними любители приключений и, наконец, профессиональные искатели. Вы неизбежно спросите: искатели чего? Так понятно чего: «снежного человека» в русском варианте; или «Биг фута», как его называли американцы, или, по исконно непальскому и основному имени – «йети»...

Так что, снова спросите вы, *он* существует? Эх, дорогие мои, на протяжении своих рассказов я не раз подчёркивал, что не собираюсь залезать в научные обоснования, а просто делюсь впечатлениями. А они были и здесь, поскольку я, как всегда случайно, оказался «в нужном месте и в нужное время».

Десятки людей из обозначенных мной категорий – давайте обобщённо называть их «искателями» – слонялись по округе, и однажды среди них я увидел своего хорошего знакомого по имени Игорь. В Москве я знал его как депутата районного уровня, активиста, правдоискателя и далее в этом роде. Но уж никак не предполагал, что встречу Игоря в Непале, и как специалиста по йети. Мы стали общаться и...

Все искатели хорошо понимали, что йети сразу не найдёшь, поэтому занимались сопутствующей деятельностью, а именно прогулками по горам, наблюдением за природой, сбором чудесных гималайских растений. И тут опять «бабахнуло»! Русский искатель Борис из Архангельска, преуспевший в поисках следов йети в родном российском регионе, как раз что-то такое собирал в горном разнотравье. Вдруг случилось... нет, не чудо, а скорее экстремальная ситуация: на искателя выскочил небольшой медведь. Борис не мог точно объяснить намерений медведя, но что он агрессивно приближался – точно. Искатель испугался, готовился убежать или дать бой зверю, хотя про себя предполагал скорее не успешный поединок, а больничную койку или вообще кладбище.

Но в этот момент из кустов выскочило *это* и схватилось с медведицей – как потом выяснилось, зверь был женского пола. Предполагаемый йети сделал с ней в буквальном смысле то, чем мы ино-

гда шутливо угрожаем оппонентам: он её порвал. Сказки? Какие сказки! Мы ходили смотреть на поверженную, мёртвую медведицу и явно видели кровавые разрывы на её теле. О своих ощущениях Борис рассказал, в отличие от солдата Майлы, не заикаясь, но в остальном признаки совпадали: большое, под два метра, мохнатое существо, передвигавшееся на двух ногах...

Неделю мы переживали случившееся, интенсивность поисков умножилась. То один, то другой искатель приносил веточку, якобы сломанную йети; волосок, ноготок и, как венец успешного поиска, кусок экскремента, «явно подтверждавшего» его принадлежность к Биг футу. Но поиски, простите, г... всё-таки отличаются по своей сложности от восхождений на гору. То есть времени и здоровья вполне хватало на «учёные» беседы, которые мы и вели с Игорем. Как ни странно, начались они не с моих вопросов к нему, а с вопросов Игоря ко мне. Он спросил:

– Вот ты столько раз был в Гималаях. Неужели никогда ничего *такого* не замечал?

– Нет, не замечал, – искренне и уверенно отреагировал я. И тут же меня «торкнуло»: ой! А как же?.. И я ушёл мыслью на много лет назад. Давайте вспомним вместе:

– ...Попив чайку, мы стали прикидывать поконкретнее, сколько и каких продуктов унесли предполагаемые волки. И тут вспомнилось, что две жестяные банки со сгущёнкой в наших запасах всё-таки были. Наташа также положила – чтобы съесть, пока подъём несложный – стеклянную банку джема. Их что, тоже волки унесли? Давайте-ка посмотрим на следы повнимательнее: может, это люди? Мы действительно увидели дополнительные отпечатки то ли ног, то ли лап: длинные, овальные, раза в полтора-два больше человеческих. Кто это? Хм... За недосугом вопрос остался открытым...

Или вот, там же и позже:

– ...А мешочки с продуктами? Тоже ветром унесло? Вряд ли. Но сколько ни копали, обнаружить их не удалось. А следы... Пусть и заметённые, но явно больше наших и похожи на те, что мы видели две недели назад...

– Может быть, ты фотографии делал? – спрашивает у меня Игорь.

– Да, делал. Тогда фотоаппаратом, а после сканировал: фотки и сейчас со мной, в телефоне.

Внимательно изучив снимки, Игорь констатировал:

– Ну вот, видишь, это наверняка был *он*!

– Слушай, поясни мне, кем же является *он*? Тут все изъясняются какими-то загадками, делая при этом умное лицо посвящённого. Ты можешь рассказать по-простому? *Он* – это снежный человек?

– Начнём с того, что это не снежный и не человек. Американцы говорят «Биг фут», жители Кавказа – «Алмасты»; в Таджикистане, на Памире – это ближе к Гималаям – его зовут «Адами-Явои», на Кольском полуострове и вовсе приклеили кличку «Афоня». Да, прижилось и непальское название «Йети». Если же давать научное определение, то я с разделяющими мой подход коллегами из разных стран склонен к термину «реликтовый гоминоид».

Почему нельзя причислять его к людям? Потому что гоминоид не говорит, не пользуется орудиями труда, не знает огня и ведёт чисто животный образ жизни. Отталкиваясь от эволюционной теории Дарвина, можно предположить следующее: гоминоид – некоторая промежуточная стадия развития между питекантропом и человеком, где-то на уровне неандертальца. Чаще всего пишут, что это человекообразное существо обитает в Центральной Азии. Но подобные сведения неточны: живёт гоминоид не только в Азии, не в одних Гималаях и вообще не только в горах, но и на Дальнем Востоке, в Якутии, на Камчатке, в Карелии, Мурманской области.

– Насчёт реального существования «Афони с большими ногами» у тебя нет сомнений?

– Нисколько. Зафиксировано около трёх тысяч различных наблюдений, включая прямые контакты с гоминоидом.

– Прямые контакты? Это каким же образом?

– Самым непосредственным. Например, во время боёв на Халхин-Голе в 1939 году убили двух гоминоидов. Сохранились записи особиста Калашникова; он исследовал трупы, делал надрезы на коже.

В 1941-м в Дагестане поймали животную особь, и, согласно документам, её осматривал военврач Карапетян. Потом гоминоид пропал, а на вопрос о его судьбе ответили так: это был дезертир, и с ним поступили по законам военного времени.

Все факты перечислить невозможно, но сенсационный случай 1989 года стоит упомянуть. В июне около сорока жителей Саратовской области видели гоминоидов, причём не только одиночных, но и группами до пяти особей. А в сентябре четверо мужчин даже поймали гоминоида, связали

ему руки и запихнули в багажник автомобиля. Пленник был, видимо, больной: «ловцы» рассказывали о сыпи на теле, порезах на подошвах ног, неприятном запахе. Короче говоря, выпустили его на волю, да ещё багажник вымыли. Волосы собрать и то не удосужились.

– Говорят, где-то есть череп снежного человека. Правда ли это?

На этом месте беседы в моей голове будто бы произошёл взрыв – «взрывы» повторялись и в дальнейшем...

– Правда, – сказал Игорь. – А череп находится у меня дома...

Я замешкался и замолчал, хотя очень хотелось задать совсем дурацкий вопрос. Но Игорь словно прочитал мои мысли:

– Хочешь спросить, можно ли его увидеть и потрогать? Конечно! Вернёмся в Москву – посмотришь и пощупаешь. Ты, я вижу, многого не знаешь. Наверное, ты не сможешь назвать и страну, в которой проблема поиска йети рассматривалась на самом высоком государственном уровне?

– Ну, здесь либо Штаты, либо Индия с Непалом!

– А вот и нет. Это СССР...

Да, далекий 1957 год был знаменит не только запуском нашей страной первого искусственного спутника Земли. После идеологического «зажима» и «железного занавеса» сталинских времён страна, как губка, впитывала и старалась переварить любую сколько-нибудь интересную и поступившую из внешнего мира информацию. Одним из таких неожиданных и даже сенсационных «вбросов» стала книга немецкого и швейцарского альпиниста, организатора нескольких экспедиций в Гималаи Гюнтера Дирренфурта «К третьему полюсу». Не знаю, как и почему, но уже в этом самом «спутниковом» 57-м книгу перевели на русский язык и издали в Москве.

О книге мне поведал тот же Игорь. Забегая вперёд, скажу, что, вернувшись через неделю вскоре после наших «йети-встреч» в Катманду, я сразу же нашёл эту книгу, припал к ней и вот что вычитал.

«...Думаю, что если кто-нибудь представит перечень тех людей, которые заявляли о том, что обнаружили следы гималайского “снежного человека”, клочок его шерсти или кучу экскрементов, а также сообщали, будто охотились на это существо или подверглись нападению с его стороны, это вызовет шок. Число таких людей уже исчисляется десятками тысяч, а история “снежного человека” насчитывает тысячелетия», – писал Дирренфурт в начале 50-х годов прошлого века.

А затем приводил ещё более ранние выкладки компетентных коллег, например профессора Хаймендорфа:

«...Придумав столь колоритный термин как “снежный человек”, западные учёные окружили “йети” атмосферой таинственности. Но для шерпов эти существа не представляют никакой тайны. И они говорят о них примерно в таком же ключе, как, например, индусы говорят о тиграх. Очень многие шерпы воочию видели этих существ, а изображения на стенах монастырей и замков представляют нам два типа: существа первого типа похожи на медведей, существа второго типа – на крупных обезьян. И это установленный факт. В холодные зимы существа обоих типов спускаются с гор в деревни и опустошают картофельные поля шерпов, а иногда нападают даже на скот. Примета относительно того, что встреча с “йети” грозит большими несчастьями, связана скорее всего с тем, что появление этих существ вблизи жилища человека совпадает с тяготами, вызванными необычно обильными снегопадами...»

Описанию внешнего вида «йети» посвящено сообщение другого профессора – Небески-Войковица, сделанное им после трёхгодичной поездки по Тибету и Сиккиму:

«...Замечательно, что все рассказы тибетцев, шерпов, имеющие отношение к внешнему облику “снежного человека”, в большей своей части совпадают. Согласно их описаниям, в орде на арест этого самого энергично разыскиваемого обитателя Гималаев могло быть написано следующее: когда встаёт на задние конечности и выпрямляется, рост его составляет от 7 футов до 7 футов и 6 дюймов (примерно от 213 до 229 см); имеет мощное тело, покрытое тёмно-коричневой шерстью, и длинные руки; голова овальной формы, заострена в верхней точке; имеет обезьяноподобное лицо; голова и лицо покрыты волосами только частично; боится света и огня; несмотря на огромную физическую силу, воспринимается частью коренного населения Гималаев, не подверженной суеверию, как вполне безобидное существо, которое может напасть на человека только в том случае, если будет ранено.

Согласно рассказам охотников, термин “снежный человек” совершенно не верен, потому что, во-первых, это существо не является человеком, и, во-вторых, оно не живёт в зоне вечных снегов. Это существо обитает в самой непроходимой части наиболее высокогорных лесов в Гималаях. В течение дня оно отсыпается в своём логове, которое не покидает до тех пор, пока не стемнеет. Его приближение можно определить по хрусту веток и характерному тихому свисту. В лесу передвигается на всех четырёх конечностях, перепрыгивая с дерева на дерево. Но на открытых участках местности ходит только на задних лапах-ногах, вразвалку, с трудом сохраняя равновесие...»

Такими открытиями советская общественность образца 1957 года была, мягко говоря, взбуждена. Настолько, что сбором и изучением сведений о загадке – да не века, а веков – вплотную занялась Академия наук СССР. В «снежного человека» поверил даже президент АН Александр Несмеянов.

В начале 57-го в Москве состоялось заседание президиума Академии с единственным и прямо сформулированным пунктом в повестке дня: «О “снежном человеке”». Интересно, что в обсуждении принял участие известный физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии, один из создателей советского термоядерного оружия Игорь Тамм, сын которого – мастер спорта и заслуженный тренер СССР по альпинизму Евгений Тамм – руководил в 1982-м первой советской Гималайской экспедицией.

Закопёрщик поиска советского йети профессор Борис Поршнева в докладе предположил, что «снежный человек» мог мигрировать из главной области своего обитания в Гималаях на северо-запад и достигнуть советского Памира. Сторонники Поршнева настояли на организации комплексной экспедиции для всестороннего научного изучения наиболее недоступных и плохо изученных участков Памира. Специальная комиссия, созданная под председательством члена-корреспондента АН Сергея Обручева, выдвинула рабочую гипотезу о том, что «снежный человек» – это доживший до наших дней примат из деградировавшей ветви неандертальцев.

ЦК КПСС дал добро на организацию памирской экспедиции. Логика партийного руководства выглядела железной: если йети будет «взят и обезврежен», в руках советских учёных окажется недостающее и доселе не обнаруженное звено между обезьяной и человеком. Вполне достойное приложение к выведенному на орбиту первому космическому спутнику Земли!

На помощь экспедиции пригласили четвероногих помощников из элитного питомника – Центральной школы военного собаководства Советской армии. Они должны были взять след, окружить йети и отрезать ему путь к отступлению. Псы и в самом деле чутко ловили любое дуновение ветра, гнали жертву, но... не ту, что надо. После нескольких месяцев изнурительной погони ни живой, ни мёртвой добычи найти не удалось. Экспедиция провалилась...

В январе 1959 года президиум АН СССР принял постановление, где единодушно решил считать тему исчерпанной. Так и записали: «Нет оснований предполагать в настоящее время существование на Памире “снежного человека”...»

Из далёких 50-х прошлого века опять перенесёмся к нашей гималайской встрече с искателем Игорем в 2000-х.

– Ну ладно, давай про череп, – тербляю я Игоря.

– Про череп, так про череп. Историю Заны ты, надеюсь, слышал? Её вроде все знают...

Ох уж это «все знают». Любой специалист в своей области, выучивший собственный предмет как таблицу умножения, искренне предполагает, что «столь простые вещи» известны и понятны каждому: «Вы эту книгу читали? Ну как же не читали, её *все* читали!» И так далее. В подобной ситуации оказался и я в случае со «всеизвестной» историей Заны. И однозначно заявил: Нет! Не знаю я этой истории! Выдавай!! Игорь вздыхает и рассказывает...

– Хорошо. Зана – её называют Заной из Тхина – обитала в XIX веке в горных лесах Абхазии. Но это потом выяснилось, что она принадлежит к женскому полу, так же как имя Зана было присвоено впоследствии. А пока имелось в виду неизвестное существо, которое периодически замечали и, наконец, решили поймать. Князь Ачба с подручными пошёл на охоту, на видном месте они оставили приманку – грязную, пропахшую одежду. Дикарка подошла, стала рассматривать и трогать вещи. Охотники незаметно подкрались, напали и связали её.

Вот тогда и выяснилось, что дикое существо – волосатая двухметровая женщина. Волосяной покров тёмно-бурого цвета располагался по всему телу, особенно в нижней части. Само тело было

массивным и мускулистым, а стопы – широкими, с длинными пальцами. На лице также наблюдался волосяной покров, но покороче, чем на корпусе. Волосы на голове начинались почти от самых бровей и достигали спины. Челюсть выступала вперёд, а глаза оказались красного цвета.

«Снежную женщину» назвали Заной. Князь Ачба подарил её другому князю, тот – третьему. Имена их известны и зафиксированы в нескольких источниках, но я не буду тебя этим загружать. В общем, последний владелец привёз находку в свои владения в селении Тхин, расположенном в восьмидесяти километрах от нынешнего Сухуми. Поначалу Зану, по причине буйного нрава, заточили в бревенчатый загон. Понемногу она утихомирилась и свободно прогуливалась по селению рядом с другими местными жителями. Правда, ходила голой. В качестве жилья Зана выбрала яму, которую сама и вырыла, ночуя там зимой и летом, однако иногда любила отдыхать на пепле от костра. Одежду она не принимала и лишь к концу жизни научилась носить набедренную повязку. По свидетельству очевидцев, Зана бегала со скоростью лошади и одной рукой могла поднимать мешок весом в пять пудов. Любимыми занятиями дикарки стали плавание в реке и выпивка.

Умерла Зана предположительно в 1880-х годах. До конца жизни не замечалось признаков её старения: ни поседевших волос, ни выпавших зубов. Зана так и не научилась человеческой речи, выражаясь отрывистым вскрикиванием, мычанием и рычанием. Когда радовалась, издавала какой-то металлический смех, но никогда не улыбалась.

Не знаю, конечно, подробностей и готов удивляться вместе с тобой, но во время проживания в селении Зана вступала в интимную связь с несколькими мужчинами, в том числе с хозяином-князем. В результате родилось пятеро детей. Говорят, что первого ребёнка она утопила, поэтому остальных сразу же после рождения отдавали на сторону. Лишь один мальчик, Хвит, остался в селении и даже женился, причём дважды, имел дочь. От этой дочери по имени Раиса, а также других пожилых очевидцев я сам слышал историю Заны и Хвита, который дожил до шестидесяти семи лет и умер в 1954 году.

– И к тебе попал череп Заны? Каким образом?

– Нет, не Заны. Место захоронения «снежной женщины», к сожалению, осталось неизвестным. Ко мне попал череп Хвита. Как? Уговорил абхазцев, угостил. Хотя и отговаривали меня... Это было через двадцать лет после смерти Хвита...

Я всё больше проникался темой «снежного человека», однако сейчас, в XXI веке, поверить в его существование мне мешали вполне понятные любому «земному» человеку факторы. Именно с ними был связан мой следующий вопрос Игорю.

– Слушай, но ведь современные технические средства позволяют отловить, отстрелять, наконец, хотя бы одного Биг фута для последующего изучения?

– Ну, я так и знал. Конечно, позволяют! Более того: его уже отлавливали и отстреливали. В качестве одного из многочисленных примеров придётся рассказать тебе очередную историю.

В 70-х годах XX века проводил исследования «снежного человека», и довольно успешные, молодой советский учёный Владимир Пушкарёв. В чём успех? В том, что ему где-то что-то привиделось? Нет. Не «привиделось», а *узнал*. Что для народностей Зауралья гоминоид – хорошо знакомое явление. Они даже называют его по-своему: якуты – «чучунаа», ханты – «куль», ненцы – «тунгу».

Пушкарёв также много чего *нашёл*. Следы, волосы и прочее – понятно. Но Владимир хорошо покопался не только в природе, но и в библиотеках. И обнаружил, например, так называемое «Берёзовское чудо», которое в дальнейшем стало пересказываться в качестве устной легенды. Но это не легенда, вот, смотри...

Игорь показывает мне сканы «Ежегодника Тобольского губернского музея» 1907 года, где на основе найденного полицейского донесения и последующего уголовного дела рассказывается об истории 1845 года – том самом «Берёзовском чуде». Это одно из самых странных, неразгаданных дел, которые когда-либо велись в уголовной практике царской России. Документы о нём хранились в городе Салехарде, в архиве краеведческого музея. Дело довели до сведения Тобольского губернатора и губернского правления. А вот фрагмент объяснений участников происшествия:

– Охотник Обиль рассказывал, что «вместе со своим товарищем Фалалеем нашёл в лесу какое-то чудовище, облаянное собаками, от коих оно оборонялось своими руками. По приближении 15 сажень сбоку из заряженного ружья Фалалей стрелял в оного чудовища, которое и пало на землю. Осмотрели его со всех сторон, орудия при нём никакого не было, ростом три аршина, мохнатого, не

имелось шерсти только на носу и на щеках, шерсть густая, длиной в полвершка, цвету черноватого, у ног перстов нет, пяты востроватые, у рук персты с когтями, для испытания разрезывали тело, которое имеет вид черноватой, и кровь черноватая, тело чудовища сего оставили без предохранения на том месте».

Далее в деле отмечено, что земскому исправнику дано приказание найти тело существа, но местные жители долго отказываются показать место, где оно убито, а потом приводят на поляну, на которой нет никаких следов...

– Итак, «снежного человека» уже находили. Но сейчас, когда технических возможностей стало гораздо больше, находки как-то прекратились...

– Ты не дослушал. В процессе поисков Владимир Пушкарёв стал буквально чувствовать связь с гоминоидом. Надеясь на контакт с ним, проводил свои экспедиции в одиночку. И в 1978-м... бесследно исчез на Приполярном Урале...

– Понимаю, места там суровые и безлюдные.

– Не он один такой. Американец Ричард Патерсон в 1967 году снял в Северной Калифорнии фильм о «снежном человеке». Я считаю этот фильм, возможно, единственным настоящим – его подлинность до сих пор никто не опроверг. После уникальной съёмки Патерсон заболел раком мозга и через несколько лет умер.

– Ты хочешь сказать?..

– Да, я хочу сказать, что, кроме морального, есть и другой аспект: гоминоиды обладают очень сильными экстрасенсорными способностями и могут воздействовать на подсознание человека. Отмечались случаи, когда люди, не видя гоминоида и уж точно не вступая с ним в контакт, испытывали чувство сильнейшего страха; волосы вставали дыбом, пропадала речь, наблюдался даже паралич.

Да чего там – я сам являюсь примером! Когда раскапывал могилу Хвита, абхазы предупреждали, что это плохо кончится. Их предсказания сбылись: меня стало знобить, температура поднялась до сорока, временами я даже терял сознание. Попал в больницу, где доктора долго разводили руками, а потом поставили диагноз – «москитная лихорадка». Болезни, конечно, бывают всякие, но такое заболевание фиксировалось последний раз в Крыму в 1918 году...

– Ясно, что ничего не ясно. Получается, что нужно остановить ловцов? Так чего ж тут, в Непале, вокруг «снежного человека» суетится куча людей? Им что, не объяснили?

– Останавливать не нужно, поскольку вопрос не в поимке – эти люди, кстати, ей и не занимаются. Предстоит проникнуть сквозь две пелены, сквозь два защитных пояса: сферу людского противодействия нашему поиску и сферу биологической самообороны гоминоидов. Мы не ставим задачу «накрыть» таинственного незнакомца. Успехом будет установление прочного дружественного контакта на любом уровне. Среди частных целей – сделать хороший фильм или хотя бы качественные фотографии, из глобальных – создать заповедник гоминоидов. Желаемое получится, если идти к нашим собратьям без жестоких умыслов, с открытым сердцем...

На этом мы расстались с Игорем. Я вернулся в Катманду, откуда, загоревшись желанием приобщиться к тематике Биг фута, намеревался вылететь в Луклу и проследовать в Кумджунг и Тянгбоче. Посёлок и монастырь я уже представлял читателю; в них, как мне говорили, есть и «вещдоки», и устные свидетельства о «снежном человеке».

В монастыре Тянгбоче монахи угощали меня тибетским чаем с маслом и охотно рассказывали, что многие останавливающиеся здесь альпинисты видели следы йети, а некоторые – даже его самого. И конечно, «снежного человека» неоднократно наблюдал их соплеменник Тен, первым взошедший на Эверест.

– А вы сами? – поинтересовался я.

– Его видели старые монахи. Они говорили, что йети среднего роста и покрыт рыжеватыми волосами. Однажды он вторгся на территорию монастыря, и монахи принялись громко трубить в священные роги и раковины. Пришелец испугался и убежал. С тех пор мы молимся о том, чтобы он не принёс вреда восходителям на их маршрутах...

Кумджунг обещал информацию поинтереснее: мне сказали, что в тамошнем монастыре находится скальп йети. Добравшись до монастыря, я спросил, где же он? Дежурный служитель культа довольно улыбнулся:

– Он здесь!

- Не понял...
- Вот в этом железном ящике.
- А открыть можно?
- Да. Для этого надо пожертвовать...

Монах назвал сумму в рупиях – совсем небольшую. Я заплатил, монах вставил ключ в замок и... я затаил дыхание. В железном ящике помещался прозрачный стеклянный ящик, а в нём и вправду виднелась вроде бы опоясывающая голову кожа с жёсткими рыжими волосами. Рядом с артефактом висела табличка, гласившая, что скальп появился во время одного из буддистских праздников. Откуда появился? Как я ни пытался переводить английский текст, получалась какая-то белиберда. Но вдруг я смекнул: а-а-а, это вроде как по-нашему «был обретён». Что сие значит? Ну, тогда «скальп явился». Откуда? Монах смиренно, но с лёгким высокомерием развёл руками, мол, это *каждому* понятно...

Вернувшись в Москву, я, разумеется, вспомнил про череп потомка женщины-йети, который обещал показать Игорь. Точнее, и не забывал. Я набрал искателя, а он и не думал отнекиваться. Мы встретились в его квартире, Игорь показал и даже дал подержать череп; показал также слепок ноги «снежного человека» и скульптуру «Биг фута», собственноручно вылепленную после просмотра фильма Ричардсона.

Мы не выпивали, не простужались, не ели проблемных продуктов; вообще не делали ничего, что могло бы привести... Но вечером этого дня у меня внезапно закружилась голова, скакнули давление и температура, перед глазами пошли круги; во время прерывистого сна с кошмарами я покрывался потом и к утру оказался абсолютно без сил. Когда чуть-чуть пришёл в себя, позвонил Игорю и пожаловался на проблемы со здоровьем. Он не удивился, а спокойно и буднично резюмировал:

- Что и требовалось доказать. Поздравляю: вы познакомились...

ГЛАВА IV

Война

С помощью Нарендры и Рави мы продвигались к аэропорту Ролпы. После случившегося в горах инцидента с маоистами эти непальские ребята не бросили нас и не собирались убежать и «раствориться». Со стороны сирдара и портера такой поступок не был благотворительным жестом: они не являлись ни солдатами власти, ни повстанцами, а просто зарабатывали себе на хлеб, в равной степени не желая терпеть притеснения от полиции или оппозиции. А мы как раз выступали неформальными гарантами их безопасности. Выданная командиром маоистов Кешем грамота работала: жители деревень симпатизировали повстанцам или боялись их, поэтому, увидев нашу бумагу, давали ночлег и еду.

В ущелье неподалёку от аэропорта перед нами показались похожие на казармы одноэтажные здания с государственными флагами Непала. Постройки были ограждены рядами колючей проволоки, по периметру стояли три вышки с часовыми, рядом, на расчищенных от камней площадках, шла тренировка бойцов. Судя по всему, здесь располагалась база правительственных войск. Никто не мешал нам смотреть, как офицер дрессирует солдат: те падали, перекатывались по земле, приседали, бегали с камнями и брёвнами в руках, преодолевали деревянную стенку. Мы бы и прошли мимо: чего обращаться к военным без надобности, если никто не нападает? Однако наше внимание привлекла отчётливая английская речь офицера, а затем, когда солдаты замешкались при выполнении команды, и звонкое русское: «Вперёд, б...дь!»

Понимая, что автором таких оборотов может быть только соотечественник, мы приблизились. Одетый в непальскую форму офицер действительно не походил на непальца, и мы крикнули ему: «Привет из России!» Лицо военного изобразило одновременно недовольство и удивление, а руки сделали прогоняющий жест: «Go on, get out!» Но мы не последовали команде и откликнулись добродушным: «Don't worry! Be happy! Может, пообщаемся, чаю попьём?» Офицер помолчал, задумался и, поняв, вероятно, что опасности от нас никакой, расслабился и ответил: «Ну, если не лень и чаем угостите, приходите через два часа на КПП». Почему же лень? Не лень. И чай есть, и газ с горелкой. И покрепче налить можем. А главное, база-то вряд ли претендует на секретную: вся как на ладони.

Офицер пришёл через два часа. И даже пригласил нас в сарайчик входного строения, перед которым воздвигли уже привычный для нас штабель мешков с песком и пулемётом. Походный газ не понадобился – в помещении стоял целый баллон вместе с небольшой плиткой. То есть чай мы пили «хозяйский», но от нашего «покрепче» офицер не отказался.

– Откуда будете?

– Я Алекс из Москвы, он – Богдан из Иркутска.

– А ты?

– Я местный, – офицер засмеялся. – Зовут Василием, для непальцев Vazil. – И продолжал: – А вы какого... тут делаете? Про гражданскую войну, что, не слыхали?

– Да с нами-то понятно – путешествуем. Про войну знаем. Но белых вроде не трогают. Лучше про себя скажи.

– И мне скрывать нечего: работаю.

– На кого?

– На короля...

На вопросы «откуда», «почему», «каким образом» Василий категорически не отвечал, поэтому мы перешли к конкретной ситуации.

– То есть дружишь с правительством против маоистов?

– Так точно.

– А почему повстанцы тебе не нравятся? Вроде бы выступают за равенство – братство – счастье. За справедливость. Как недавно в Советском Союзе. Тебе не нравился Советский Союз?

– Мне очень нравился СССР. Там уважали армию, и там я стал военным. Но воры вместе с партбоссами его уничтожили, развалив при этом и армию. Непал, конечно, никак нельзя сравнивать с СССР. Это просто бедная страна, которую надо вытаскивать из дерьма. У короля это не получается, хотя он, на мой взгляд, старается. Но *эти* точно не вытащат. Потому что они не коммунисты, а обманщики; не повстанцы, а бандиты.

– О-па! В чём же это заключается?

– В том, что они пудрят людям мозги – ровно так, как у нас в семнадцатом году пудрили: отберём у богатых – отдадим бедным. Но не будет ничего такого: в этой стране богатых по пальцам можно перечесть. Да и сами посудите. Вот деревня. Что для неё могут сделать маоисты, когда придут к власти? Построят автобан через горы? Абсурд! Проведут паровое отопление? Смешно! В общем, только болтают и гадают.

– Что значит «гадят»? Не нравится – не разделяй коммунистическую идеологию, живи как жил.

– В том-то и дело, что они не дают спокойно жить нормальным людям. Объявляют, например, забастовку, и жизнь в регионе, районе, а то и в стране парализуется: закрываются магазины, кафе, останавливается транспорт. «Живи как жил» не получается: кто не слушается, тому разобьют машину или магазин, а бывает, избьют или совсем порешат. Сами трясут путников по дорогам, формируют «правительственную казну». Полный...!

– Но тебе-то что?

– Ну, ребята. Не буду рассказывать вам сказки. Я профессионал и получаю за это деньги. Конечно, я не пойду воевать с кем попадя, если мне не нравятся заказчики. Но тут заказчики хотят поддержать порядок и разогнать хулиганьё. Я, как говаривали в СССР, такие намерения поддерживаю и одобряю. И сочетаю профессиональное с полезным.

На прощание Василий-Vazil посоветовал:

– Вы бы, ребята, уходили отсюда.

– Куда ж мы уйдём, нам в аэропорт надо, по-другому не выберемся.

– Ну да... Помочь, к сожалению, ничем не могу. Но хотя бы пересидите подальше от этого ущелья. В ближайшие дни будет жарковато...

Мы с Богданом последовали советам Василия и Кеша и пробирались в сторону Ролпы. Охранная грамота продолжала оставаться «золотым ключиком», который открывал крестьянские двери, и мы благополучно переночевали в двух деревнях. Удавалось выдерживать правильное направление, поскольку в нижней части этой горной страны заблудиться вообще сложно: дороги и тропы прокладывались веками и в какое-нибудь людное место обязательно выводили. Вывели и к миниатюрному аэропорту «сельского типа».

Понять, летают ли в текущий день самолёты, можно было только по числу находящихся здесь людей, поскольку всякие объявления отсутствовали, а на любой вопрос немногочисленные служащие отвечали по-старорусски: «Ждём-с». Мы протолкались в тесном помещении целый день, пока не начало темнеть и не стало ясно, что сегодня полётов точно не будет. Тогда вышли наружу, расстелили свои «пенки»-коврики и спальники, вскипятили на горелке чай и перекусили. Запасы собственной еды у нас давно кончились, но чай и сахар имелся. К нашему приятному удивлению, в аэропорту работал киоск с продукцией, которая в Непале продаётся в любой деревне: шоколадки «Mars» и «Snickers», печенье «Oreo», чипсы «Pringles» и «Lays» и всякая подобная дребедень. Но это лишь по теплично-городским меркам считается «вредным быстропитом», а здесь – в самый раз: «дребедень» калорийна и голод утоляется неплохо, а о наборе лишнего веса в горах говорить не приходится.

Рано утром – местные самолёты в Непале летают в первой половине дня, когда чаще стоит хорошая погода – услышали жужжание пропеллеров. Самолётик приземлился и забрал первую партию претендующих на вылет, а вмещал-то он всего человек пятнадцать – максимум двадцать. Потом сел следующий, и у нас появилась надежда, что, если случится ещё пара рейсов, мы, пожалуй, и улетим. В этот момент в здание вошло несколько человек, которые невежливо, напролом, не обращая внимания на недовольные взгляды жаждущих и страждущих, пробирались в начало очереди. В одном из агрессивных путников мы узнали учителя Кеша...

Палаточный лагерь маоистов прятался под маскировочной сеткой. Его, а также расположенные рядом постройки всё равно можно было заметить с вертолёта или в бинокль с отдалённых горных вершин. И даже рассмотреть контуры отдельных брезентовых домиков, дымки от костров и полевой кухни, но что с того? Кто и какие действия производил внутри? Что происходило в прилегающих пещерах, в древесных зарослях, на невидимых за скалами полянах? Ясно, что здесь не собралась вся маоистская армия. Ну а сколько? Пятьдесят человек? Сто? Триста?

Терраса с базой внутри ущелья огораживалась с одной стороны отвесной, примерно сорокаметровой скалой; с другой – крутым косягом, омываемым быстрой и каменистой горной речкой. И лесистые пространства, и открытые места на косяге минировались.

Существовал и удобный вход-выход на террасу, но пулемётного гнезда на краю площадки и двух цементированных дотов на прилегающих скалах вполне хватало, чтобы не пропустить сюда любого противника – его численность как таковая, без привязки к местности, не имеет в горах определяющего значения. Это один из неписаных законов горной войны: выигрывает тот, кто занимает удобный перевал или стратегическую высоту с хорошим обзором и сложным подходом. Даже небольшой отряд с запасом продуктов и боеприпасов способен длительное время перемалывать здесь значительно превосходящие силы врага.

Теоретически можно говорить о боевых вертолётах, в том числе российского производства, которые успешно показали себя, например, в горах Чечни, а ещё раньше в Афганистане. Однако в королевской армии Непала их в то время едва ли набирался с десяток, а повстанческих баз насчитывались сотни. К тому же для точного попадания вертолёту предстояло залететь внутрь ущелья и зависнуть над базой, но в этом случае он рисковал быть сбитым даже из обычного стрелкового оружия. Вертолётов повстанцы не боялись – они не прилетали сюда ни разу.

Лагерь сидел неприятной занозой в теле района. Бойцы маоистского отряда регулярно и с разных направлений, заблокировать которые не представлялось возможным, спускались вниз и совершали набеги на полицейские участки, воинские части и гражданские объекты, убивая людей и пополняя запасы продовольствия. Лагерь штурмовался несколько раз, всегда со стороны «парадного» входа и безрезультатно. Возможность его реального разгрома появилась только тогда, когда в кампанию против повстанцев включились армейские части. Случай с налётом на деревню стал тем вызовом, терпеть который королевские силы уже не могли. Теперь на совещании в военной базе обсуждался вариант нестандартной операции, призванной достичь успеха за счёт суворовского принципа не числом, а умением. К обсуждению штурма наряду с военными и полицейскими привлекли надёжных местных активистов.

– Маршруты штурма сложные, – обрисовывал ситуацию Доржи, командир воинской части. – По косягу не пройти, он заминирован. К скальному массиву с нашей стороны подобраться можно. Но потом предстоит подъём с помощью альпинистской техники по отвесной стене. Выросшие в горах солдаты хорошо передвигаются по рельефу средней сложности, однако взять стену у них не

получится. Надо быть хорошим скалолазом, вбивать и закреплять крючья, надёжно страховать друг друга в висячем положении – в блиц-режиме этими навыками не овладеешь. Очевидно, что преодолевать стену бойцы будут медленно – одного автоматчика наверху достаточно, чтобы пострелять их поочерёдно. А если и вылезут наверх, то сюда направлен пулемёт из дота.

Командир косвенно, но всеми доводами уклонялся от операции. Он бы не возражал и против её полной отмены: солдаты и офицеры останутся живы, на своей хорошо охраняемой территории им ничто не угрожает, а приказ из центра о штурме базы маоистов не поступал, инициатива исходила от полицейских.

Местный пастух Камал – у него маоисты реквизировали скот – оценивал обстановку иначе.

– Мы не можем больше терпеть, годами живём в страхе. Бандитов надо выкурить и, если и не уничтожить полностью, то хорошенько напугать. Доржи говорит о невозможности штурма, но варианты есть, – говорил Камал. – Скальная стена не сплошная. Я наблюдаю за ней много лет. Раньше стена была монолитной, а потом, видимо, при землетрясении, треснула, и трещина постоянно расширяется. Образовалась глубокая расщелина – от самого низа до террасы. Я залезал в расщелину и могу сказать, что она проходима, пробираться и страховаться в ней гораздо легче и быстрее.

– Я тоже считаю, что штурм необходим, – включился начальник полиции Ашир. – Измором повстанцев взять не удастся. Вы только посмотрите: три года назад они начинали с самодельных бомб и старых ружей, а теперь у них современные винтовки и автоматы. Люди симпатизируют маоистам, в отряд влилась молодёжь и даже женщины. Что касается расщелины, то этот вариант хорош. Через расщелину вместе с Камалом пойдут мои люди: они заранее изучат проход и попытаются подняться этим путём. Альпинистская подготовка, конечно, пригодилась бы, но она слабовата.

Наиболее оптимистично выглядела информация русского Василия. Почему он оказался на военной базе непальцев, знал, возможно, только командир части. Василий вместе с двумя американцами прислали по указанию командования из Катманду. Американцы сопровождали груз винтовок М-16 и вели учебный цикл по обращению с ними. Василий же выполнял функцию универсального инструктора: по физической подготовке в целом, обучению стрельбе, рукопашному бою. По инициативе русского была сформирована разведывательная группа под личным командованием офицера.

– Сегодня ночью мы взяли в плен трёх маоистов из лагеря, когда они пытались пробраться в деревню, – докладывал Василий. – Один говорить категорически отказывался, кричал и плевался, пришлось пустить его в расход сразу. Оставшуюся двойку я допрашивал, но они тоже молчали. Я провёл «психическую атаку» и застрелил следующего на глазах его товарища. Другой бандит испугался и обещал показать расположение мин на косогоре в обмен на жизнь.

Предлагаю вот что: я с «наводчиком» и тремя бойцами проберусь в лагерь через заминированный косогор, попробую захватить пулемётное гнездо и подойти к дотам. Вряд ли получится тихо, поэтому, когда пройду минное поле, мигну фонариком. А дальше вы услышите выстрелы и взрывы. Невдалеке от нас должен следовать второй эшелон солдат. Группа полицейских пройдёт через расщелину и сконцентрируется на выходе из неё. Здесь есть неплохой обнадеживающий нюанс. Я контактирую с русскими альпинистами, которые находятся сейчас в этом районе. Я связался с ними и договорился, что они заранее обработают маршрут по трещине и рядом с ней. То есть «пробьют» дорогу крючьями и навесят верёвки, поскольку трещина хоть и есть, но всё равно сложна для обычного прохождения. Они дадут нам «напрокат» свои жумары – это приспособления, фиксирующие верёвку в любой момент скольжения вверх или вниз...

С наступлением темноты военные и полицейские начали стягиваться к подходам на террасу. Василий с пленным, который действительно показывал расположение мин, продвигались по косогору, выжидая, когда луна заходила за тучи, и затаились невдалеке от пулемётного гнезда. Когда мигнул фонарик, передовые части групп из расщелины и с косогора бросились к лагерю, уже не скрываясь; за ними следовали остальные. Прятаться дальше не было смысла: через секунды у пулемётного гнезда и ближнего дота раздались автоматные очереди и взрывы гранат разведчиков Василия. Дальний дот, пристрелянный на выход из ущелья, начал строчить, но стрелять было не в кого: по главному проходу никто не шёл. К доту подобрался с тыла и дважды выстрелили во входной блок из гранатомёта. Кумулятивные струи расплавленного металла прошли металлическую дверь и не оставили шансов на выживание находящимся внутри стрелкам.

Дальнейшее напоминало набег стаи грифов на тело мертвеца: тени королевских солдат при свете луны метались, как крылья гигантских птиц, а «мертвец» представлял собой лагерь с двумя сотнями живых людей. «Грифов» насчитывалось раза в три меньше, но в наступившей ситуации нападавшие и оборонявшиеся поменялись стратегическими местами: потенциал выигрышной «перевальной» позиции маоисты потеряли. Штурмующие поливали лагерь очередями и забрасывали гранатами.

Силы маоистов оказались рассечены несколькими линиями огня, однако действия опытных боевиков вряд ли напоминали собой спящих и выскакивающих из палаток в нижнем белье красноармейцев из фильма «Чапаев». Автоматы, ручные пулемёты, винтовки начали интенсивно отвечать солдатам и полиции, тем более что гранаты у нападавших вскоре закончились. Однако наладить системную оборону не получалось, и Кеш – он командовал лагерем – приказал прорываться по основному маршруту. Его подчинённые догадались, что через «центральный вход» на террасу пробираться лучше всего, поскольку там не было засады сил непальского гарнизона и полиции.

Сам Кеш не пошёл этим путём, а с группой повстанцев поднялся к взорванному доту, теперь оставленному нападавшими, в надежде завладеть им и использовать по назначению. Однако амбразура была завалена, а пулемёт повреждён. Кеш сверху оглядел лагерь. Многие палатки смело взрываются, некоторые горели. Интенсивность схватки ослабла: лишь небольшая часть маоистов оставалась в лагере и продолжала обороняться. Их обстреливали поднявшиеся к лагерю люди Доржи и Ашира, но основные силы армии и полиции устремились в погоню за просочившимися в ущелье беглецами. Солдаты стремились отрезать и основной проход, сделав невозможным отступление через него. И военные, и полицейские несли потери, но и повстанцев планомерно истребляли: обе стороны не имели задачи брать пленных.

Бывший учитель приказал достать дымовые гранаты и бросать их в лагерь и по новому пути отхода, выбрав в качестве такового косогор, поскольку к данному моменту он почти опустел. «Кому повезёт, тот прорвётся», – крикнул Кеш и первым, цепляясь за деревья, прыгая и съезжая, устремился вниз по крутому склону. Ему и вправду сопутствовала удача, однако сколько ещё людей преодолели минное поле, командир не знал – бегство сопровождалось разрывами мин; Кеш с небольшой группой оторвался от потока отступающих солдат и скрылся в горных зарослях...

Василий понимал, что задача по разгрому лагеря выполнена. Далеко не всех маоистов удалось перебить, да это и не представлялось возможным в ночных условиях и с учётом превосходящей численности противника. Да, теперь они разбегутся по округе, снимут форму и временно станут «мирными гражданами». Но что он, русский офицер, не знающий местности и невидимого простым глазом расклада сил, мог сделать?

Командир военных Доржи рассуждал аналогичным образом. Армия втянулась в схватку с маоистами поневоле, когда стало понятно, что полицейские не справляются. Доржи выполнял приказ короля, но про себя был убеждён, что борьба с партизанами – дело полиции. Он всячески отгонял от себя мысль о том, что вчерашние партизаны давно превратились в регулярную армию и несли реальную угрозу конституционному строю. А против армии должна сражаться другая армия, а никак не силы охраны порядка. Так или иначе, но заниматься поисками разбежавшихся бандитов Доржи не собирался.

Начальник полиции Ашир думал по-другому. Ему давно осточертел этот Кеш по прозвищу «Учитель». Он давно не преподавал, а превратился в убийцу и мародёра. Но основная исходящая от него опасность заключалась даже не в этом: Кеш обладал большим доверием среди местных и колоссальными организаторскими способностями. В кратчайшее время он мог снова собрать рассеянных повстанцев в боеспособные отряды. Один Кеш, как красноармеец Сухов из «Белого солнца пустыни», «стоил взвода, а может, и роты» рядовых солдат, и его требовалось уничтожить. Но сейчас, когда с десятка полицейских погибли во время штурма, Ашир не видел у оставшихся в живых желания пускаться в погоню. Но вот у этого русского «ястреба» глаза горели. Конечно, Vasil не станет преследовать беглецов в одиночку, не зная даже, где их искать. Но если совместно...

Повторюсь: мы не имели никакой информации о происходящих схватках, хотя отдалённые выстрелы и взрывы, конечно, слышали. Тем более не предполагали, что Кеш выбрался из пекла, отдышался и оперативно сплотил вокруг себя пару десятков дееспособных бойцов. Все они догадывались, что, раз в противоборство вступили армейские части, операция в ущелье и прилегающих

селениях продолжится. Значит, надо временно уйти в другой район. Быстро это можно было сделать с помощью воздушного судна. Местный аэропорт никогда не представлял сложностей для захвата, просто этого не требовалось. А теперь время пришло.

План маоистов выглядел так. В одном из селений находился конечный пункт рейсового автобуса, ходившего раз в день именно до посёлка с аэропортом. Если захватить автобус вместе с пассажирами, не возникнет необходимости огневого контакта с охраной взлётной полосы. Солдат там немного, но всё же в прямое столкновение с ними вступать нежелательно: лётчики заподозрят неладное, и план может сорваться. А под прикрытием заложников есть шанс подъехать к самолёту без выстрелов, взять под контроль экипаж и спокойно загрузиться и улететь, причём всем и одним рейсом. Лётчики – их два в каждом самолёте – никуда не денутся, стоит лишь приставить пистолет к виску.

Куда лететь? Не в Катманду, конечно, – там сильная охрана. Но проблем с конечным пунктом перелёта нет: непальская авиакомпания с экзотическим названием «Yeti Airlines» располагала маленькими самолётами Dornier-228 немецкого производства и канадскими DHC-6 Twin Otter, которые могли сесть в принципе на любой, даже земляной ровной поверхности длиной хотя бы в двести метров. Прекрасно: место приземления станет известно только в тот момент, когда шасси коснутся земли. В случае непредвиденных обстоятельств в операцию по захвату вмешивалась группа Кеша; предполагалось, что она предварительно проникнет в аэропорт под видом обычных пассажиров. С таким замыслом согласились все повстанцы.

План и вправду казался стопроцентно выполнимым, если принимать во внимание любые материальные факторы, имевшиеся у противоборствующих сторон, будь то численность, вооружение или транспорт. Однако всегда существует и фактор другого рода, а именно мозги. Именно они выручали одних и приводили к проигрышу других на протяжении всей человеческой истории. Синтез мозговой активности Ашира и Василия работал неплохо. Для них варианты использования повстанцами автобуса и самолёта просматривались такими же безусловными, как и для маоистов. Просто одними это было виртуозно придумано, а вторыми – столь же великолепно вычислено. Подумали начальник полиции с боевым инструктором и о «втором эшелоне» нападавших, который вполне мог появиться из толпы вылетающих. И стали готовиться к атаке.

Одного полицейского снайпера расположили прямо на крыше автобуса, среди мешков, сумок и чемоданов; ещё двух – на постройках в зоне предполагаемого захвата автобуса. Что же касается повстанцев, то они послали навстречу автобусу джип с тремя вооружёнными бойцами; остальная группа затаилась в зарослях поблизости, готовая загрузиться в автобус после его захвата.

Автобус остановился возле строений сам, так, как будто случилась поломка или другая непредвиденная ситуация. Джип двинулся к нему навстречу, из него вышел одетый в повстанческую форму человек и, перед началом разговора, пустил для устрашения очередь в воздух. Она слилась с выстрелом снайпера. Двое других, находившихся в кузове джипа, рядом со станковым пулемётом, не разглядели точку, откуда стрелял снайпер и стали лихорадочно водить дулом по сторонам. После нескольких снайперских выстрелов с этими двумя тоже покончили. Находившаяся в кустах группа «пассажиров» бросилась наутёк, но местность уже заблокировали: полтора десятка маоистов попали в огневой котёл и были перебиты.

Ашир, Василий и двое полицейских, переодевшись в форму повстанцев, сели в джип и вместе с автобусом, где уже находились свои бойцы, двинулись в аэропорт. Для натуральности снесли бампером ворота, въехали на взлётную полосу и направились к самолёту. Предупреждённые охранники аэропорта открыли по автобусу демонстративную стрельбу. Сидящие в нём, естественно, не пострадали и благополучно достигли судна. Чего они не знали, так это призывной команды, о которой договаривались повстанцы и которая означала, что находящиеся в аэропорту могут загружаться. Поэтому Ашир просто закричал: «Путь свободен», и выстрелил вверх.

Кеш с товарищами, расшвыривая стоявших на пути, выбежали на поле. Полицейские в джипе держали наготове пулемёт, Ашир спрятался за кабиной автомобиля, а Василий – за фюзеляжем самолёта. Но команда для выдвижения оказалась не той, о которой договаривались повстанцы. К тому же Кеш не увидел повстанцев, выходящих из автобуса, поскольку их там и не было. Поэтому учитель только делал вид, что поверил в «своих». Подбежав к джипу, Кеш вытащил из-под одежды оружие и начал стрелять сразу из двух пистолетов, товарищи последовали его примеру. Пулемётчики не успели ответить огнём, так как были убиты сразу. Ашир и выскочившие из автобуса полицейские

выпустили автоматные очереди по трем сопровождавшим Кеша повстанцам: один упал, свалился и Кеш. Третий проник в самолёт и сразу взял под прицел лётчиков.

«Ну, с этим разберёмся», – сказал Ашир и перевернул мёртвого или тяжело раненного, как казалось начальнику полиции, учителя. Но тот лишь притворялся: оказавшись на спине, он выстрелил Аширу в лицо, а сам бросился на трап. Уже у входа в кабину Кеша настиг Василий: бросив мешающий автомат, он прихватил учителя рукой за шею, и они вместе втиснулись в салон. Повстанец – конвоир лётчиков – направил пистолет на Василия, а тот, делая вид, что не станет сопротивляться, прикрылся учителем и стал кричать по-английски, что отпустит Кеша и даст самолёту взлететь.

Василий, разумеется, не собирался выполнять свои обещания: мгновенно оценив обстановку, он увидел на поясе учителя кукри-нож. «На тебе, с...а», – прошептал офицер, не меняя позы и не переставая кричать; вытащил тесак и погрузил его в живот учителя. Повстанец рядом с лётчиками не успел ничего понять, он смотрел на оседающего Кеша и всё ещё надеялся, что они вместе с ним справятся и улетят. Но Василий, бросив нож, нащупал правой рукой в кобуре «Стечкин», снятый с предохранителя и стоявший на режиме «очередями», поднял его и надавил на спуск. Пули пошли в «десятку», лишив повстанца глаз, а заодно и жизни...

То, чему мы стали свидетелями в здании аэропорта и на взлётной полосе, воспринималось как шок, абсурд, фильм-боевик. Полёты в этот день отменили, и мы подумали, что их теперь не будет долго. Смирились, что придётся ковылять пешком – а до ближайшей дороги, откуда ходил транспорт до Покхары или Катманду, шлёпать предстояло дня три-четыре. Ладно, утро вечера мудренее. К нашему счастью, продуктовый киоск в здании аэропорта продолжал работать, и мы сформировали наш дорожный паёк.

Ночь провели на ставшем почти родным клочке травы под стеной аэропорта, а утром с удивлением услышали звук пропеллера. Военные? Подкрепление? Но нет: к нашему удивлению, возобновились обычные гражданские перелёты. Чудо? Вовсе нет. В режиме чрезвычайной ситуации страна жила много лет, а люди, как известно, привыкают не только к хорошему, но и к плохому. Мы увидели совершенно чистую взлётную полосу, откуда утащили повреждённые выстрелами джип и автобус; пассажиры, как ни в чём ни бывало, деловито стремились встать первыми в очереди на вылет. С удовольствием включившись в известный диалог «я с вечера занимал, а вас здесь не стояло», мы тоже с воодушевлением принялись работать локтями и сумели улететь в Катманду вторым рейсом. Запаса шоколадок хватило до самой Москвы...

А в столице Непала тоже было беспокойно. Не берусь судить о том, насколько демократично правил король Бир и насколько тоталитарно – король Гьян. Но, измученный годами гражданской войны, он объявил, что берёт на себя всю полноту исполнительной власти в стране на ближайшие три года. Король ввёл новые нормы цензуры, в частности, недопустимость любой публичной критики в печати своих действий; запретил митинги и шествия, объявил в Катманду комендантский час. Большинство членов руководящих органов оппозиционных политических партий были отправлены за решётку. В то же время Гьян высказался за демократические перемены и предложил сформировать переходное правительство с включением туда оппозиции, в том числе маоистов.

Давно известно, что история повторяется. Столь же хорошо известно, что каждый правитель надеется: успешное повторение случится именно в его стране, а неудачное – в какой-то другой. Десять с лишним лет назад, в 1991-м, в Москве создали ГКЧП – государственный комитет по чрезвычайному положению. Его цели были так же понятны, как в случае с Гьяном: быстро навести порядок твёрдой рукой, а потом медленно двигаться к мягкой демократии. ГКЧП продержался три дня, но Гьяну повезло больше: ослабевающее правление короля длилось после непопулярных мер три года...

Пока столица Непала бурлила. Нам, да и всем путешественникам в Катманду, по-прежнему не угрожала опасность. Будучи зрителями, а не участниками политического спектакля, мы поневоле воспринимали происходящее как перформанс, театрализованное действие. С любопытством отмечали, что поведение местных «актёров», то бишь демонстрантов, сильно отличалось от «актёров» российских. В России это, как правило, рассудительные, рациональные, организованные люди. Здесь же бушевала орущая, машущая руками, бессистемно передвигающаяся толпа. Позже стало ясно, что таково лишь первое внешнее впечатление: существовала и чёткая организация, и лидеры, некоторые – с уже известными нам повязками на руках: серп и молот либо скрещенные автоматы.

Поведение полиции тоже отличалось. И в Москве применялись дубинки против незаконных де-

монстрантов, но мне не приходилось наблюдать слезоточивый газ и резиновые пули, а в Катманду это было регулярным явлением, так же как и кашляющие от удушья люди рядом с другими – с огромными синяками. Мировая пресса давала информацию об уличных столкновениях... ну, очень по-разному: от заметки о «стычках с полицией с несколькими ранеными» до репортажей о «массовом побоище» и «расстреле мирной демонстрации с многочисленными жертвами». «Масла в огонь» подлило то, что на демонстрацию вышли и непальские журналисты – их тоже невежливо разогнали. Так что другого подхода к информированию в эти эмоциональные дни ожидать и не стоило.

В те дни, что мы находились в столице, «королевское пространство» сузилось до территории дворца и нескольких правительственных зданий, оцепленных войсками. По телевидению теперь ежедневно звучали всё более демократичные заявления Гьяна: теперь он готов был не просто сформировать временное правительство, но и передать ему власть, предложив маоистской оппозиции выдвинуть своего кандидата на пост премьер-министра; обещал провести всеобщие выборы. «Исполнительная власть королевства Непал, которую мы брали на сохранение, с этого дня будет возвращена народу», – говорил король.

Заявления оппозиции, наоборот, становились резче: «король хочет обмануть нас и спасти режим», «народу не нужен такой король», «стране не нужен король вообще». А что нужно? Лозунг с ответом на этот вопрос заставил нас с грустной улыбкой вспомнить российскую историю 1917–1918 годов: «Даёшь учредительное собрание!» В стране началась всеобщая стачка...

В 2006-м парламент Непала лишил Гьяна права накладывать вето на законы и законопроекты. Депутаты единодушно отобрали у короля должность верховного главнокомандующего армией, лишили иммунитета и обязали платить налоги. Страна с многовековой монархией, облачённой многочисленными формальными и неформальными атрибутами, объявила себя «светским государством». Но самое удивительное заключалось в том, что король теперь перестал считаться реинкарнацией бога Вишну.

«То есть он раньше был воплощением бога, живым богом, а теперь перестал?» – такой несуразный вопрос завис в голове малообразованного в области индуистской религии русского интеллигента.

«Ага!» – ответило ему индуистское эхо.

«А такие вопросы тоже решаются на законодательном уровне?» – неистовствовал пытливый ум.

«Так точно, это ж демократия. Мы отобрали у короля это право и титул», – резюмировали члены непальского парламента.

Правительство Непала, в конце концов сформированное из представителей семи партий, заключило мир с маоистами. Длившаяся в стране десять лет гражданская война закончилась. За эти годы двенадцать тысяч человек были застрелены, зарезаны, замучены. Или нет? Реинкарнировались, переродилось или, как у них там, на Востоке?

Кто кого победил? Да никто никого, как и в любой гражданской войне.

О! А что с живой богиней Кумари? Её тоже «разжаловали»? Давайте перенесёмся на год вперёд. В 2007-м в Непале праздновали очередной фестиваль Индра-Джатра. Девочку-богиню, как и прежде, принесли на площадь в носилках, покрасили ноги красной краской и совершили иные положенные атрибуты. Дальше должен был появиться король – он, как помнит читатель, приходил к Кумари за тикой – символической красной точкой на лоб, означающей продление власти. Король формально ещё «сидел на троне». Но фактической властью уже не обладал. Вместо него за тикой пришёл... премьер-министр. И Кумари поставила ему красную точку на лоб.

Всё? Отнюдь! Через некоторое время появился и монарх. И тоже получил тикку! Как это понимать? Как в известной загадке, где нужно посмотреть на две вроде бы одинаковые картинки и найти различия. Однако несведущий человек их не заметит. А «подкованный» отметит разницу и скажет: смотрите внимательно, вот подходит премьер. Кумари ставит тикку правой рукой. А королю – левой! И с рисовыми зёрнами: именно так предусмотрено исполнявшимся сотни лет ритуалом.

Кто же подсказывает Кумари замысловатые политические ходы? Никто: Кумари вне политики; в силу своей божественности она сама знает, как нужно поступать...

Через полгода короля свергли и формально, он переехал из дворца в обычную квартиру. Изображение монарха перестали печатать на банкнотах. Слово «королевский» исчезло из полного титула Королевской Кумари. Её стали называть просто Кумари Катманду. Видимо, девочка-богиня взвесила всё, хорошенько подумала и решила: так будет правильно.